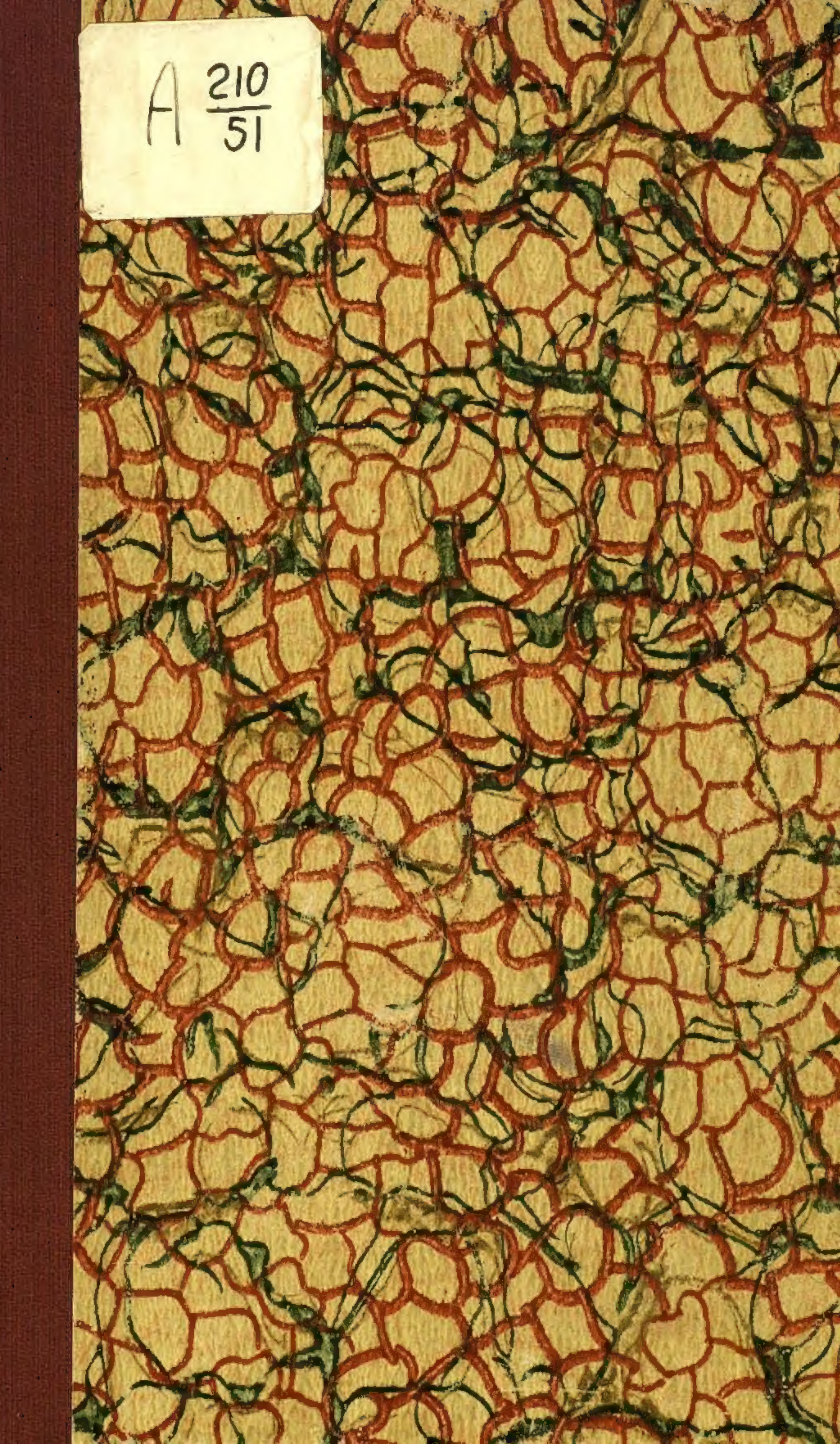

A 210/51

ПРОФ. А. С. БУДИЛОВИЧЪ

МОЖЕТЪ-ЛИ РОССІЯ ОТДАТЬ ИНОРОДЦАМЪ СВОИ ОКРАИНЫ?

(ИЗЪ „БИБЛІОТЕКИ ОКРАИНЪ РОССІИ“. № 4).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

МОЖЕТЪ-ЛИ РОССІЯ

ОТДАТЬ ИНОРОДЦАМЪ СВОИ ОКРАИНЫ?

ПРОФ. А. С. БУДИЛОВИЧЪ

МОЖЕТЪ-ЛИ РОССІЯ

ОТДАТЬ

ИНОРОДЦАМЪ СВОИ ОКРАИНЫ?

(ИЗЪ „БИБЛІОТЕКИ ОКРАИНЪ РОССІИ". № 4).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

МОЖЕТЪ-ЛИ РОССІЯ

ОТДАТЬ ИНОРОДЦАМЪ СВОИ ОКРАИНЫ?

А. С. Будиловича.

I.

Вопросъ объ отношеніи русскаго государства къ его инородческимъ окраинамъ имѣетъ уже десятивѣковую давность. Хотя и въ начальные вѣка нашей исторіи русскій народъ занималъ довольно значительную область, на пространствѣ отъ Карпатъ до верхней Оки и отъ Ильменскаго озера до южныхъ степей, однако область эта не имѣла такой опредѣленности и устойчивости, какая бываетъ свойственна государствамъ островнымъ или полуостровнымъ, а, наоборотъ, — отовсюду соприкасалась съ областями распространенія другихъ народностей, по отношенію къ которымъ русскій народъ занималъ то оборонительное, то наступательное положеніе. Въ пограничныхъ мѣстахъ нерѣдко возникали поясы смѣшаннаго русско-инородческаго населенія, которые передвигались въ ту или другую сторону, по мѣрѣ успѣховъ или неудачъ русской колонизаціи, государственности, просвѣщенія.

Всегó быстрѣе были эти успѣхи въ до-татарскій періодъ нашей исторіи, когда русскимъ народомъ сдѣланы были значительныя и прочныя пріобрѣтенія какъ

на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, въ пограничномъ поясѣ русскихъ поселеній съ финскими и литовско-латышскими, такъ и на югѣ, въ племенномъ поясѣ турецко-татарскихъ кочевниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ расширеніи русскаго народа и государства на инородческія окраины дѣло не обходилось безъ военныхъ столкновеній, напримѣръ, съ ятвягами, голядью и другими литовцами по Нѣману и Виліи, съ латышами (зимигола и летьгола) по Западной Двинѣ, ливами и эстами за Чудскимъ озеромъ, по р. Омовжѣ, чудью заволоцкою и югрою, а на югѣ — съ хазарами, уграми, печенѣгами, половцами, татарами, ясами, касогами, даже крымскими греками. Но во многихъ случаяхъ расширеніе русскаго населенія въ смежныхъ инородческихъ окраинахъ совершалось мирнымъ путемъ, напримѣръ, по отношенію къ той чуди и веси, которая совмѣстно со словѣнами и кривичами призвала варяговъ-Русь (по Лаврентьевской лѣтописи) и создала общими силами русское государство. Равнымъ образомъ русское разселеніе на площади воти, корелъ, мери, муромы, мордвы — совершалось издревле, безъ такихъ военныхъ столкновеній, слѣдъ коихъ остался бы въ лѣтописи. А между тѣмъ уже очень рано на русско-финскихъ окраинахъ возникаютъ такіе города, какъ Изборскъ, Ладога, Ямъ, Гдовъ, Копорье, Корельскъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ, Муромъ, даже Москва, которые играютъ столь значительную роль въ нашей начальной, а отчасти и позднѣйшей исторіи. Въ системѣ Чудскаго озера очень крѣпкимъ русскимъ оплотомъ былъ ливонскій Юрьевъ, который сохранилъ свое русское имя и часть русскаго населенія вплоть до новѣйшихъ временъ. По теченію же Западной Двины расцвѣтали было въ древнюю пору полоцкія колоніи Герцике и Кокенгузенъ, которыя однако были въ XIII в. задавлены нѣмцами. Въ системѣ Нѣмана и Западнаго Буга рано возникаютъ Гродно, Брянскъ, Бѣльскъ, Дро-

гичинъ, Берестье. Объ успѣхахъ же русской колонизцiи того времени на югѣ лучше всего свидѣтельствуетъ, сверхъ Торковъ, Берендеевъ, Бродниковъ на Черномъ морѣ, княжество Тмутороканское, расположенное въ низовьяхъ Кубани, невдалекѣ отъ горъ Кавказскихъ.

Такимъ образомъ, въ теченiе двухъ-трехъ вѣковъ Русское государство раздвинулось на сѣверѣ до водоската Бѣлаго моря, на югѣ до береговъ Азовскаго (Сурожскаго), на востокѣ до средней Волги, а на западѣ до средняго теченiя рѣкъ Нѣмана и Западной Двины. По теченiю послѣдней, равно какъ и по Невѣ уже завязывались кой-какiя сношенiя русскихъ славянъ съ прибалтiйскими, еще господствовавшими въ тѣ вѣка на южныхъ побережьяхъ Варяжскаго моря.

Правда, не вся эта — уже довольно обширная — область была въ равной мѣрѣ колонизована русскимъ населенiемъ: нѣкоторыя ея окраины, особенно южная степь, не были еще прочно закрѣплены за русскимъ государствомъ. Но основанiе къ тому положено было довольно глубокое и широкое, и при дальнѣйшемъ движенiи въ томъ же направленiи можно было ожидать въ скоромъ времени утвержденiя русскаго народа и государства на всемъ пространствѣ великой Скиѳской или Сарматской равнины.

Къ сожалѣнiю, этому помѣшали, съ одной стороны, нашествiе на Русь татаръ и основанiе ими на нижней Волгѣ золото-ордынскаго царства, съ его позднѣйшими отпрысками въ Казани и Крыму, съ другой же — усиленiе тевтоновъ (нѣмцевъ, датчанъ, шведовъ) на побережьяхъ Балтики и захватъ ими смежныхъ съ Русью областей прусско-литовско-латышскихъ, а равно финскихъ по сю и по ту сторону Финскаго залива. Съ этимъ связано было политическое распаденiе искони единаго по племенному и духовныму сознанiю русскаго народа на двѣ части: восточную и западную, или — какъ онѣ скоро стали называться — московскую

и литовскую, изъ коихъ первая два вѣка оставалась въ порабощенiи татарскомъ, а вторая скоро была втянута, наряду съ литовцами, въ не менѣе тяжелое многовѣковое порабощенiе польское. Въ этотъ тяжелый двухъ-трехъ-вѣковой перiодъ не одна изъ нашихъ окраинъ была отрѣзана отъ Русскаго государства и народа, напримѣръ, Тмуторокань на югѣ, Юрьевъ на сѣверо-западѣ, Гродно, Берестье, Галичъ на западѣ. Русская земля была крайне стѣснена на югѣ татарскими степняками, такъ что Кiевская и прилегающiя къ ней области получили даже въ ту пору названiе Украйны, то есть окраины, правда — польской, а не русской, пограничной съ владѣнiями сначала крымскихъ хановъ, а потомъ — ихъ верховода — султана. Средняя Волга была отрѣзана царствомъ Казанскимъ, организованнымъ несравненно лучше прежняго Болгарскаго, опиравшимся на племенныя, вѣроисповѣдныя и политическiя связи съ ханами Золото-ордынскимъ и Крымскимъ. На сѣверо-западѣ возникали все новыя опасности для нашихъ полоцкихъ, псковскихъ, новгородскихъ владѣнiй и окраинъ, особенно со стороны крестоносныхъ рыцарей Тевтонскаго и Ливонскаго орденовъ, потомъ же — Ганзейскаго союза нѣмецкихъ городовъ и общинъ и, наконецъ, государствъ скандинавскихъ — Данiи и Швецiи.

Но все-таки, прiобрѣтенныя въ до-татарскiй перiодъ русскимъ народомъ племенныя и духовныя силы были настолько значительны, что и въ тяжелый перiодъ татарскаго ига русскiй народъ не погибъ подъ ударами враговъ, а, наоборотъ, выставилъ противъ нихъ грозныя силы даже на окраинахъ, напримѣръ на Чудскомъ озерѣ и Невѣ-рѣкѣ, при Александрѣ Невскомъ, на Куликовомъ полѣ, при Димитрiи Донскомъ, и подъ Танненбергомъ (Грюнвальдомъ), при Витовтѣ литовско-русскомъ и его союзникѣ Ягайлѣ польскомъ. Къ этому же времени относятся замѣчательные успѣхи новго-

родской колонизаціи въ побережьяхъ Финскаго залива Вотская пятина), въ системѣ озеръ Невы-рѣки, а также на сѣверо-востокѣ, въ средѣ Заволоцкой чуди, вплоть до Печоры и Урала. На сѣверо-западѣ же нашимъ дреговичамъ, древлянамъ, кривичамъ удалось сдѣлать важныя пріобрѣтенія въ средѣ литвиновъ, жмудяковъ, латышей, наложивъ русскій обликъ на языкъ и образованность всего Литовскаго государства; извѣстно, что вплоть до XVIII в. оно было управляемо по Литовскому статуту, который коренился на бытовыхъ началахъ русскаго народа и былъ написанъ по-русски, а не по-литовски и не по-жмудски.

Но прочныя наступательныя дѣйствія Русскаго государства какъ на сѣверо-западѣ, такъ и на западѣ стали возможны лишь съ Ивана III, когда Москва освободилась отъ Золотой орды, присоединила къ себѣ владѣнія новгородскія, а нѣсколько позже и псковскія, и заняла болѣе независимое положеніе по отношенію какъ къ Польско-литовскому государству, такъ и къ тевтонамъ Ливонскаго ордена, Ганзы и Швеціи.

Совершенное въ Юрьевѣ Ливонскомъ 8 января 1472 г. по повелѣнію мѣстнаго владѣтельнаго нѣмецкаго бискупа и его ратмановъ утопленіе въ рѣкѣ Омовжѣ (Эмбахѣ) пресвитера Св. Исидора и 72 его прихожанъ, за отказъ отъ перехода въ унію, послужило для Ивана III поводомъ требовать отъ этого бискупа держать впредь русскихъ юрьевцевъ «честно, по старинѣ и по крестному цѣлованію и не обидѣть; а дани благовѣрныхъ великихъ князей, русскихъ царей, старыи залоги,... за осмь лѣтъ отдати въ тотъ часъ по крестному цѣлованію, а отъ сего времени (январь 1474 г.) благовѣрнымъ русскимъ царемъ на честномъ бискупѣ юрьевскомъ дань своя имати по старинѣ, по тому крестному цѣлованію» [1]).

[1]) Акты Зап. Рос., I, № 69.

Еще важнѣе было для прибалтійскихъ окраинъ произведенное Иваномъ III закрытіе въ Великомъ Новгородѣ торговаго двора ганзейскихъ нѣмцевъ (въ 1496 г.) нанесшее такой ударъ Ганзѣ, отъ котораго она никогда уже не могла оправиться. Этимъ устранена была отъ нашихъ сѣверо-западныхъ окраинъ опасность торговаго, а затѣмъ и государственнаго завоеванія этой могущественной компаніей, которая нѣкоторое время господствовала на водахъ Балтійскаго моря, па пространствѣ отъ Амстердама до Ревеля, а отчасти и на прилегающихъ рѣчныхъ системахъ, отъ Кельна до Пскова и Великаго Новгорода.

По присоединеніи къ Московскому царству новгородскихъ владѣній, а въ томъ числѣ и Вотской пятины, обнимавшей нынѣшнюю Выборгскую губернію, границы этого государства достигли Финскаго залива и Саймскаго озера, откуда наша пограничная линія направлялась къ Мурманскому берегу и Ледовитому океану.

Еще успѣшнѣе была окраинная политика царя Ивана Грознаго, особенно въ первую половину его царствованія, когда были присоединены къ Россіи царства Казанское (въ 1552 г.) и Астраханское (въ 1557 г.), занята казаками Ермака Тимоѳеевича значительная часть Сибири (въ 1581 г.), а на западѣ Ливонія (въ 1558—1582 гг.) съ Юрьевомъ во главѣ. Но, къ сожалѣнію, эти послѣднія его пріобрѣтенія оказались непрочными и вскорѣ не только Ливонія, но даже старая Вотская пятина (Ингрія и Карелія) перешли на время во владѣніе—первая Польши, а послѣдняя Швеціи.

На югѣ же съ XVI в. Россіи пришлось имѣть дѣло съ новыми могущественными завоевателями османскими турками, которые, завоевавъ Константинополь (въ 1453 г.), утвердились къ тому времени и на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, отрѣзавъ отъ него надолго наши южныя области.

Въ началѣ XVII в. не только судьба нашихъ окраинъ, но и самой Москвы подвергалась тяжкому испытанію въ смутахъ самозванцевъ. Хотя царство при этомъ уцѣлѣло, но въ уменьшенныхъ границахъ, по мирамъ Столбовскому и Андрусовскому. И много пришлось воевать царямъ XVII в. то съ поляками, то со шведами, то съ турками, пока возстановлены были и упрочены наши старыя сѣверо-западныя и юго-западныя окраины.

Впрочемъ, не мало пришлось нашимъ царямъ и царицамъ XVII—XVIII вв. поработать и надъ возсоединеніемъ двухъ частей русскаго племени: московской и польско-литовской, особенно при Алексѣѣ Михайловичѣ и Екатеринѣ II. Къ сожалѣнію, задача эта и нынѣ не можетъ считаться рѣшенною, такъ какъ нѣсколько милліоновъ (болѣе трехъ) искони русскаго населенія и значительная часть свято-владимірской земли—въ Червонной Руси по сю и по ту сторону Карпатъ—все еще остаются въ порабощеніи то поляковъ, то мадьяръ и нѣмцевъ, вслѣдствіе чего и наша западная граница не достигла еще своего исконнаго и природнаго Карпатскаго вала. На прочихъ же окраинахъ Россія, послѣ многихъ войнъ и усилій, достигла въ смыслѣ государственномъ своихъ природныхъ границъ, то есть устьевъ своихъ рѣкъ въ Балтійскомъ, Черномъ, Каспійскомъ моряхъ, а позже и охранныхъ валовъ Арарата, Гиндукуша, Алтая. Но въ смыслѣ народномъ и духовномъ далеко еще не срослись съ Россіей примыкающія къ указаннымъ гранямъ наши окраины, притомъ не новопріобрѣтенныя лишь, какъ Кавказъ, Туркестанъ, Пріамурье, но и болѣе старыя, какъ Финляндія, области эсто-латышскія, Жмудь, Польша, Крымъ, Бессарабія.

Болѣе того, даже столь исконныя русскія области, какъ Бѣлая, Черная и Малая Русь, Подляшье и Холмщина, Волынь, Подолье и Украйна, наполнились въ теченіе послѣдняго вѣка множествомъ иноплеменни-

ковъ — польскаго, еврейскаго, нѣмецкаго происхожденія — поколебавшихъ тутъ не поверхность только, но и самые устои русской народности и образованности.

Подтвержденіемъ того служатъ событія, происходившія во всѣхъ почти нашихъ окраинахъ въ теченіе послѣдняго года, подъ вліяніемъ такъ называемаго освободительнаго, а вѣрнѣе революціоннаго движенія.

Въ Финляндіи напримѣръ движеніе это выразилось въ слѣдующихъ формахъ.

Когда въ Россіи осенью 1905 г. начались митинги и забастовки — фабричныя, желѣзнодорожныя, почтовыя, — то это движеніе немедленно отразилось и въ Финляндіи, гдѣ почва была къ тому подготовлена уже издавна шведскими и финскими революціонерами, особенно послѣ убійства Н. И. Бобрикова. По изданіи же манифеста 17 октября въ Гельсингфорсѣ и другихъ финляндскихъ городахъ вспыхнулъ мятежъ. Хотя этотъ мятежъ могъ бы быть прекращенъ двумя-тремя выстрѣлами по бунтарямъ изъ нашихъ крѣпостей или броненосцевъ, однако генералъ-губернаторъ кн. Оболенскій предпочелъ исходатайствовать Высочайшій манифестъ 22 октября 1905 г., которымъ были отмѣнены почти всѣ распоряженія недавней Бобриковской эпохи, направленныя къ утвержденію въ этой окраинѣ русской государственности. Управленіе Финляндіею было передано, по недомыслію кн. Оболенскаго и его преемника г. Герарда, вожакамъ тѣхъ самыхъ шведскихъ и финскихъ партій, съ которыми шесть лѣтъ боролся Бобриковъ и изъ среды которыхъ вышелъ его убійца. Русскіе чиновники были удалены изъ Финляндіи и русскій языкъ почти окончательно устраненъ изъ присутствій и школъ. Вмѣсто русскихъ войскъ и русской полиціи возникла, съ разрѣшенія властей, революціонная красная гвардія, которая играла столь видную роль въ Свеаборгскомъ мятежѣ 17—20 іюля 1906 года и вызвала кровавое столкновеніе на улицахъ Гельсингфорса какъ съ рус-

скими войсками, такъ и съ возникшей тогда въ Свеаборгѣ изъ мѣстныхъ добровольцевъ бѣлой гвардіей. Лишь послѣ этихъ событій и произведеннаго красною гвардіею разрушенія желѣзныхъ дорогъ и мостовъ, состоялось постановленіе финляндскаго сената о роспускѣ красной гвардіи и поимкѣ ея вождя, капитана Кока. Но стремленіе финляндцевъ къ образованію особой финляндской арміи не оставлено финляндскими сепаратистами и, повидимому, поддерживается нынѣшнимъ правительствомъ Финляндіи, какъ это выразилось въ его попустительствахъ возникшей недавно военной организаціи «воймистовъ».

Возбужденъ также вопросъ о замѣнѣ на финляндскихъ торговыхъ корабляхъ нашего трехцвѣтнаго флага какимъ-нибудь другимъ, напримѣръ синимъ крестомъ на бѣломъ фонѣ, по образцу государственныхъ флаговъ Швеціи, Норвегіи и Даніи.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ Финляндія продолжала служить главными воротами для ввоза въ Россію оружія и амуниціи для вооруженія русскихъ революціонеровъ и бомбометателей. Только послѣ Свеаборгскаго бунта состоялось постановленіе гельсингфорскаго сената о временномъ запрещеніи ввоза въ Финляндію оружія и взрывчатыхъ веществъ. Но это распоряженіе не было проведено въ жизнь.

Что касается выработаннаго въ послѣднее время сенатомъ и сеймомъ и утвержденнаго Государемъ Императоромъ новаго сеймоваго устава, по которому финляндскій сеймъ будетъ имѣть впредь составъ не сословный, какъ раньше, а смѣшанный изъ всѣхъ слоевъ населенія, то при нынѣшней системѣ управленія онъ можетъ имѣть значеніе лишь во внутреннихъ отношеніяхъ шведовъ и финновъ въ Финляндіи, но не въ смыслѣ сближенія послѣдней съ Россіею.

Осталось невыясненнымъ, будутъ ли принимать финляндцы участіе въ нашей Государственной Думѣ и Го-

сударственномъ Совѣтѣ при обсужденіи проектовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе и распространяющихся на всѣ области Имперіи. Необходимость такого участія обусловлена не только существомъ дѣла, но и Высочайшими манифестами 3 февраля 1899 г. и 6 августа 1905 г. Къ сожалѣнію, эта сторона дѣла совершенно упущена изъ виду въ окончательномъ указѣ о составѣ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта отъ 20 февраля 1906 г. Не разрѣшаетъ этого вопроса и опубликованный въ апрѣлѣ того же года новый текстъ нашихъ Основныхъ Законовъ, гдѣ въ ст. 2 начертано: «Великое княжество Финляндское, составляя нераздѣльную часть государства Россійскаго, во внутреннихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями, на основаніи особаго законодательства». Если вспомнить, что къ «внутреннимъ дѣламъ» Финляндіи, при широкомъ толкованіи этого выраженія, могутъ быть отнесены и дѣла о православныхъ приходахъ Финляндіи, состоящихъ въ вѣдѣніи Св. Синода, и о католическихъ приходахъ, зависимыхъ отъ нашего департамента иностранныхъ исповѣданій, о почтѣ и телеграфахъ, подчиненныхъ министру внутреннихъ дѣлъ, о таможняхъ, подчиненныхъ министру финансовъ, о расположенныхъ въ Финляндіи частяхъ нашей арміи и флота и такъ далѣе, то станетъ очевиднымъ, что въ вышеприведенныхъ словахъ ст. 2 Основныхъ Законовъ имѣется пропускъ, а именно въ концѣ этой статьи слѣдовало добавить: «по скольку эти дѣла не подлежатъ дѣйствію общихъ законовъ и установленій». Въ противномъ случаѣ между Россіею и Финляндіею установилось бы отношеніе не двухъ частей одного государства, а союза двухъ государствъ, соединенныхъ лишь лицомъ Государя, къ чему, повидимому, и стремятся теперь финляндцы. Слѣдствіемъ же такого союза могло бы быть то, что произошло недавно въ Норвегіи, гдѣ изъ союза двухъ государствъ, Швеціи и Норвегіи, об-

разовалось два независимыхъ государства, съ двумя отдѣльными королями.

Что Финляндія и теперь уже является для Россіи какъ бы заграницей, —видно изъ Выборгскаго манифеста нѣкоторыхъ членовъ нашей первой Государственной Думы, изданнаго послѣ роспуска послѣдней 8 іюля 1906 года. Едва ли возможно было бы устройство подобной демонстраціи въ одной изъ областей Австро-Венгріи, Германіи, Великобританіи, въ случаѣ роспуска парламентовъ государями этихъ странъ.

Очень тревожно прошли послѣдніе два года и въ областяхъ эсто-латышскихъ, особенно въ теченіе времени отъ 17 октября по конецъ декабря 1905 года. Латышско-еврейскія банды до того усилились было въ ту пору въ Курляндіи и южной Лифляндіи, что овладѣли нѣкоторыми значительными городами, напримѣръ Виндавой, Гольдингеномъ, Туккумомъ, Валкомъ. Желѣзнодорожное сообщеніе надолго было прервано въ этихъ мѣстностяхъ. Новоназначенному прибалтійскому генералъ-губернатору пришлось съ оружіемъ въ рукахъ прокладывать себѣ путь изъ Двинска въ Ригу. Слѣды этихъ движеній и донынѣ еще замѣтны въ латышскихъ областяхъ, несмотря на суровыя наказанія, наложенныя на латышскихъ революціонеровъ русскими карательными отрядами.

И въ эстонскихъ областяхъ, особенно въ Ревелѣ и Юрьевѣ, осенью 1905 года произведено было много безпорядковъ. До ста рыцарскихъ замковъ было разрушено въ Эстляндіи и сѣверной Лифляндіи.

На происходившихъ осенью того же года съѣздахъ латышскихъ и эстонскихъ революціонеровъ не разъ было выражаемо желаніе устроиться въ видѣ автономныхъ республикъ, связанныхъ съ Россіею въ одну общую федерацію.

Что касается прибалтійскихъ нѣмцевъ, то они, конечно, не возставали противъ Россіи съ оружіемъ въ

рукахъ. Однако на своихъ съѣздахъ въ Митавѣ, Юрьевѣ, Ревелѣ, а особенно Ригѣ, они сдѣлали цѣлый рядъ постановленій о дарованіи прибалтійскимъ областямъ полнаго самоуправленія въ области государственной, церковной, школьной. Для обезпеченія этой автономіи остзейскіе бароны ходатайствовали (въ декабрѣ 1905 г.) объ учрежденіи въ городѣ Ригѣ остзейскаго сейма (Provinzialrat), призваннаго устранить изъ этой окраины обрусительную политику и замѣнить ее господствомъ мѣстныхъ языковъ, между которыми нѣмецкій, конечно, не замедлилъ бы занять первое мѣсто.

И этотъ планъ бароновъ сталъ осуществляться со времени возстановленія въ Ригѣ должности генералъ-губернатора этихъ трехъ областей. Генералъ Соллогубъ призналъ нужнымъ созвать подъ своимъ предсѣдательствомъ особое совѣщаніе по мѣстнымъ дѣламъ, то есть своего рода областной сеймъ, въ составѣ котораго изъ 18 членовъ оказалось: 12 нѣмцевъ, 6 латышей и эстовъ и ни одного русскаго, хотя въ этой окраинѣ число русскихъ людей (135 тысячъ) почти равняется числу нѣмцевъ (165 тысячъ).

Вѣроятно, это временное совѣщаніе, поддержанное ген. Меллеръ-Закомельскимъ, послужило бы основою для устройства въ Ригѣ по этому образцу постояннаго сейма, если бы прибалтійскіе нѣмцы не потерпѣли жестокаго пораженія при выборахъ отъ этихъ, якобы нѣмецкихъ, областей депутатовъ какъ въ первую, такъ и во вторую Государственную Думу; оказалось, что, несмотря на свою хваленую силу въ этихъ областяхъ, нѣмецкіе бароны, пасторы и бюргеры не въ состояніи были провести въ Думу ни одного члена.

За то баронамъ удалось заручиться нѣкоторыми уступками правительства по устройству въ этихъ областяхъ нѣмецкихъ частныхъ школъ и правомъ заложить въ германскихъ банкахъ нѣсколько тысячъ десятинъ земли, для возстановленія разоренныхъ крестьянами

замковъ и экономій. Удастся ли имъ осуществить свой планъ о выпискѣ изъ Германіи рабочихъ для этихъ экономій, въ видахъ постепеннаго онѣмеченія этой окраины,—покажетъ будущее.

Въ средѣ жмудяковъ и литвиновъ революціонное движеніе проявилось осенью 1905 г. главнымъ образомъ въ Ковенской губерніи, особенно же въ Поневѣжскомъ уѣздѣ. Съ 19 октября 1905 г. тамъ начались разгромы русскихъ училищъ и изгнаніе русскихъ учителей. Всего было тамъ закрыто 117 училищъ. Одновременно съ тѣмъ изгоняемы были изъ Жмуди русскіе чиновники, писари, старшины и даже простые крестьяне русскаго происхожденія, особенно старообрядцы. Вмѣсто изгнанныхъ учителей, писарей, старшинъ назначаемы были новые изъ жмудяковъ и католиковъ.

Въ Вильнѣ состоялись въ теченіе октября и ноября того же года два съѣзда жмудяковъ и литвиновъ, на которыхъ состоялись постановленія объ образованіи изъ Ковенской, Виленской, Гродненской, части Курляндской и части Сувалкской губерній особой автономной области, гдѣ литовцы и жмудяки должны быть хозяевами, а всѣ остальныя народности, въ томъ числѣ и русскіе, въ качествѣ пришельцевъ, должны занимать подчиненное положеніе.

Хотя эта программа не могла осуществиться, однако жмудякамъ и литвинамъ удалось провести въ Государственную Думу обоихъ призывовъ нѣсколько своихъ депутатовъ, которые и стремятся отстоять тамъ свой планъ объ автономной Литвѣ, насколько этому не мѣшаютъ евреи и поляки, которые по отношенію къ этой области имѣютъ свои планы, вовсе не совпадающіе съ жмудско-литовскими.

Со стороны польскихъ благопріятелей, особенно профессора Бодуэна-де-Куртене, выработанъ былъ въ Петербургѣ планъ учрежденія въ Вильнѣ «вольнаго уни-

верситета съ преподаваніемъ на языкахъ литовскомъ, польскомъ, русскомъ и другихъ европейскихъ». Но литвины не увлеклись этимъ планомъ и не включили его въ число своихъ требованій, вѣроятно, догадываясь, что благопріятели мечтаютъ не о высшей обработкѣ литовскаго языка, который не имѣлъ донынѣ даже ни одной средней школы, а скорѣе о возстановленіи въ Вильнѣ стараго польскаго университета, сыгравшаго столь видную роль при подготовкѣ мятежа 1830 г.

Русскіе люди въ Литвѣ, значительно превышающіе по числу и литвиновъ и поляковъ въ составѣ населенія литовскихъ губерній, такъ же высказываются за учрежденіе въ Вильнѣ высшаго учебнаго заведенія, но не университета, а православной духовной академіи, которая могла бы объединить мѣстныя русскія силы и обезпечить дальнѣйшее развитіе въ этомъ краѣ русской образованности.

Но нигдѣ волны «освободительнаго движенія» не поднимались такъ высоко, какъ въ Царствѣ Польскомъ. Всякаго вида забастовки фабричныя, желѣзнодорожныя, почтово-телеграфныя—тамъ долго не сходили съ очереди. Въ памятные дни 18—20 октября 1905 г. на улицахъ Варшавы двигались стотысячныя массы съ хоругвями, на которыхъ красовались польскіе орлы и надписи. То же повторилось въ Люблинѣ и другихъ губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городахъ Польши. Составлялись приговоры объ изгнаніи русскаго языка изъ школъ и присутствій и о замѣнѣ всѣхъ русскихъ чиновниковъ поляками. Поданы были правительству прошенія и требованія о созывѣ въ Варшавѣ учредительнаго сейма и выдѣленіи Царства Польскаго въ особое автономное государство. Много было убито въ ту пору въ Польшѣ русскихъ людей военнаго и гражданскаго званія. По всей вѣроятности, уже тогда окончилось бы тамъ дѣло мятежомъ, какъ въ 1830 и 1863 гг., если бы въ началѣ ноября 1905 г. не пронесся въ Варшавѣ слухъ, что пруссаки

идутъ. Улица немедленно присмирѣла и вмѣсто мятежа начались переговоры польскихъ партій отчасти въ Москвѣ, на ноябрскомъ съѣздѣ нашихъ земцевъ, а отчасти въ Петербургѣ, гдѣ польско-еврейская депутація должна была сторговаться съ гр. Витте. Требованія поляковъ заключались въ образованіи автономнаго Царства Польскаго, имѣющаго особый сеймъ, особое законодательство и управленіе, особый бюджетъ, съ господствомъ во всѣхъ присутствіяхъ, судахъ и школахъ польскаго языка, при чемъ связь этой Польши съ Россіею выражалась бы только въ общности верховной власти, внѣшнихъ сношеній, арміи и флота, таможенной линіи, желѣзно-дорожныхъ тарифовъ и почтово-телеграфнаго дѣла. Въ Москвѣ эта программа была принята очень сочувственно, къ великому удивленію самихъ поляковъ, которые въ печатныхъ отзывахъ о московскомъ съѣздѣ признавали нашихъ земцевъ толпой наивныхъ простачковъ, не умѣющихъ отличать фразъ отъ дѣла. Но въ Петербургѣ переговоры не удались, въ виду объявленнаго тогда военнаго положенія въ Польшѣ.

При выборахъ въ Государственную Думу оба раза въ Польшѣ побѣдила не та польско-еврейская партія, съ которою вели переговоры наши земцы и ихъ преемники кадеты, а другая, національно-демократическая партія, руководствующаяся не соціалистическими или иными отвлеченными стремленіями, а желаніемъ возстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ. Этимъ объясняется послѣдовавшее въ Государственной Думѣ 1906 г. охлажденіе между нашими кадетами и трудовиками съ одной стороны, и членами «польскаго ко́ла» съ другой, вслѣдствіе чего обѣщанный кадетами полякамъ проектъ польской автономіи не былъ поддержанъ большинствомъ Государственной Думы.

Было бы, однако, ошибочно думать, что эта неудача измѣнила настроеніе польскаго общества по во-

просу объ автономіи. Наоборотъ, изъ напечатаннаго недавно въ польскихъ газетахъ «проекта основного положенія, опредѣляющаго границы автономіи Царства Польскаго» (ср. газ. «Окраины Россіи» № 23), видно, что польскіе политики и теперь еще занимаются этимъ вопросомъ, придумывая для Польши такое приблизительно отношеніе къ Россіи, въ какомъ находится Венгрія къ Австріи, или въ худшемъ случаѣ—въ какомъ Хорватія къ Венгріи. На томъ же стоитъ и польское коло второй Думы. Чтобы поддержать эти требованія, руководители польскаго общества не перестаютъ устраивать разнаго рода безпорядки, покушенія, грабежи и убійства, вплоть до своего рода Сицилійской вечерни, имѣвшей мѣсто 2 августа 1906 г. въ Варшавѣ и многихъ другихъ польскихъ городахъ, въ связи съ празднованіемъ успенія Богородицы.

Вѣроятно, революціонный размахъ польскаго общества былъ бы теперь еще шире, если бы онъ не сдерживался внутренними столкновеніями въ составѣ этого общества — аристократовъ съ демократами, націоналистовъ съ космополитами, всеполяковъ съ соціалистами, съ евреями, съ русскими, съ литвинами и т. д. Однимъ изъ признаковъ такого броженія служитъ и широкое распространеніе въ Польшѣ секты маріавитовъ, которая возстала противъ злоупотребленій польскихъ епископовъ и ксендзовъ и постепенно отпала отъ римской церкви, въ составѣ до 500.000 душъ. Всѣ усилія папы и кардиналовъ, польскихъ епископовъ и общества, всѣ труды галицкихъ миссіонеровъ и даже вооруженныя нападенія вѣрныхъ католиковъ на маріавитскіе костелы и приходы не могли подавить этого движенія. Правительству пришлось, наконецъ, признать эту секту на такихъ же приблизительно основаніяхъ, на какихъ существуютъ нѣкоторыя мистическія секты въ средѣ рускаго народа.

На польскую автономію и польское понятіе о свободѣ очень своеобразный свѣтъ бросаютъ событія, вы-

званныя указами 17 апрѣля и 17 октября 1905 г. въ русской Холмщинѣ. Подъ вліяніемъ этихъ указовъ, особенно перваго, о свободѣ вѣры, польскіе помѣщики воздвигли гоненіе на мѣстныхъ православныхъ крестьянъ, съ требованіемъ немедленнаго возвращенія ихъ въ католицизмъ. Не подчинившіеся этому требованію русскіе арендаторы, батраки должны были оставить польскія имѣнія и искать себѣ другого хлѣба. По примѣру пановъ и по внушенію ксендзовъ воздвигли и польскіе поселяне гоненіе на своихъ православныхъ сосѣдей, уничтожали ихъ посѣвы, сжигали ихъ строенія, разгоняли изъ церквей, отнимали кладбища, разрушали школы. Подъ гнетомъ этого насилія болѣе ста тысячъ искони русскихъ людей вынуждены были, для спасенія своей жизни, объявить себя поляками и католиками. Въ декабрѣ 1905 г. ѣздила изъ Холма въ Петербургъ особая депутація, чтобы ходатайствовать передъ Государемъ о спасеніи этого остатка свято-владимірской Руси за Бугомъ, отъ конечной гибели. Ей было предоставлено избрать въ Государственную Думу особаго депутата отъ православныхъ жителей Люблинской и Сѣдлецкой губерній, что и осуществилось въ 1907 г. избраніемъ епископа Евлогія. Но другое, болѣе важное ходатайство той же депутаціи—о выдѣленіи русскаго Забужья изъ состава губерній Царства Польскаго и о перечисленіи его къ областямъ западно-русскимъ—осталось неудовлетвореннымъ, несмотря на данныя обѣщанія. Ничего не сдѣлано и для матеріальнаго подъема разоренныхъ поляками русскихъ арендаторовъ и батраковъ Забужья, хотя тамъ имѣется достаточно русскихъ майоратовъ, которые могли бы быть распроданы мѣстнымъ русскимъ крестьянамъ, при посредствѣ Крестьянскаго банка.

Такъ же приблизительно отразились указы о свободѣ вѣры и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, особенно въ Виленской губерніи. Осенью 1905 г. толпы

католиковъ врывались тамъ въ православные храмы, ломали иконы, разбивали церковные сосуды и требовали перехода въ католицизмъ, особенно тѣхъ, которые были прежде католиками или уніатами. Подъ давленіемъ этихъ гоненій, тысячи русскихъ людей въ губ. Виленской, Минской, Могилевской объявили себя католиками и поляками. Правда, многіе изъ нихъ возвратились потомъ обратно въ православіе, но польская интрига не прекратилась тамъ и донынѣ. Это замѣтно было и въ первой Г. Думѣ, въ которой поляки и евреи имѣли больше представителей, чѣмъ западнорусы, несмотря на громадное преобладаніе въ этомъ искони русскомъ краѣ русскаго православнаго населенія. Особенно усердствовалъ въ польско-латинскомъ направленіи виленскій епископъ Роопъ, а также депутаты Минской губ., съ московскимъ адвокатомъ Ледницкимъ во главѣ. Хотя эти депутаты не вошли въ составъ «польскаго кола», однако дѣйствовали согласно съ послѣднимъ, равно какъ и многочисленные польскіе депутаты Юго-западнаго края. Съ достаточной ясностью опредѣлилось стремленіе всѣхъ этихъ депутатовъ возсоздать союзъ Польши, Литвы и Украйны, составляющій суть такъ называемыхъ ягеллонскихъ стремленій. Того же слѣдуетъ ожидать и отъ второй Госуд. Думы, судя по рѣчамъ гг. Дмовскаго, Стецкаго и др.

Есть теперь въ Бѣлоруссіи и Украйнѣ нѣкоторое число и русскихъ людей, главнѣйше въ средѣ образованной, которые мечтаютъ о выдѣленіи Бѣлоруссіи и Украйны въ особыя автономныя области, связанныя съ Великороссіей и прочими частями государства узами федераціи. При этомъ предполагается, что въ Бѣлоруссіи должно господствовать въ управленіи, судахъ и школахъ мѣстное бѣлорусское нарѣчіе, пока вовсе еще лишенное книжной обработки. Въ областяхъ же малорусскихъ такая роль присвоивается нѣкоторыми сепаратистами нарѣчію малорусскому, которое въ поэзіи

извѣстно особенно по сочиненіямъ Шевченки, а въ школахъ получило нѣкоторую разработку въ Галиціи и Буковинѣ, правда, въ очень испорченномъ, полуополяченномъ видѣ, именуемомъ тамъ языкомъ украинскимъ. Въ истекшемъ году по этому вопросу сдѣлано было нѣсколько постановленій, особенно въ Украйнѣ; возбуждались ходатайства о введеніи мѣстнаго просторѣчія въ школы; принимались мѣры для допущенія его въ печать и церковь, при нѣкоторомъ содѣйствіи нашей Академіи наукъ; затѣяно было нѣсколько повременныхъ изданій на мѣстномъ просторѣчіи или, вѣрнѣе, на галицко-украинскомъ жаргонѣ. Но всѣ эти затѣи не имѣли успѣха, вслѣдствіе несочувствія имъ малороссійскаго простонародья. Потому-то и въ депутаты первой и второй Госуд. Думы, несмотря на всѣ усилія кадетовъ, евреевъ, поляковъ и русскихъ украйномановъ, попало не болѣе двухъ-трехъ представителей этого направленія.

Объ истинномъ настроеніи массъ коренного малорусскаго населенія всего лучше можно судить по событіямъ, происшедшимъ 21 октября 1905 г. въ г. Нѣжинѣ. Въ отвѣтъ на митинги мѣстныхъ русскихъ и еврейскихъ революціонеровъ, жители этого города и окрестныхъ селеній, собравшись огромной толпой до 3.000 душъ, заставили бунтарей носить по городу портретъ Государя, пѣть народный гимнъ и принести всенародную присягу: не бунтовать, Царя поважать. И во многихъ другихъ южнорусскихъ городахъ, — Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, — массы мѣстнаго населенія сумѣли расправиться съ революціонерами и террористами. Но тамъ, къ сожалѣнію, взрывъ народнаго негодованія сопровождался убійствами, чего не было въ Нѣжинѣ.

Но всѣ перечисленныя наши окраинныя народности, не исключая ни шведовъ, ни поляковъ, не играли въ смутахъ послѣдняго времени такой руководящей роли, какъ наши евреи. Они были главными дѣятелями «освободительныхъ» митинговъ, а затѣмъ уличныхъ безпоряд-

ковъ, съ красными и черными флагами. Они всего больше потрудились при устройствѣ мятежей въ рядахъ солдатъ и матросовъ, особенно черноморскаго флота. Изъ среды еврейскихъ самооборонщиковъ и бундистовъ вышло множество убійцъ въ нашихъ окраинныхъ городахъ, а отчасти и столицахъ. Когда же впослѣдствіи начались приготовленія къ выборамъ въ первую Государственную Думу, то евреи оказали столь значительное содѣйствіе нашей кадетской партіи, деньгами и агитаціей, что эта партія предоставила имъ въ думѣ 12 мѣстъ, въ томъ числѣ по одному отъ каждой изъ столицъ. Число этихъ депутатовъ было бы безспорно еще больше, если бы евреи не потерпѣли при выборахъ пораженія въ Царствѣ Польскомъ, благодаря отчасти сплоченности поляковъ, отчасти бездѣйствію еврейскихъ пролетаріевъ, объявившихъ бойкотъ Думы. Но и безъ польскихъ евреевъ гг. Винаверамъ и Герценштейнамъ удалось наложить еврейскую печать на всю дѣятельность этой Думы, что особенно выразилось въ преніяхъ о бѣлостокскомъ погромѣ. Въ одной изъ своихъ рѣчей г. Винаверъ пригрозилъ даже правительству, что въ Россіи не будетъ мира, пока не будутъ въ ней удовлетворены желанія шести-милліоннаго еврейскаго населенія. Во второй Г. Думѣ число некрещеныхъ евреевъ уменьшилось, но крещеныхъ—прибыло. Требованія же тѣхъ и другихъ по существу совпадаютъ. Они заключаются въ признаніи за евреями не только гражданскихъ, но и національныхъ правъ, слѣдовательно, не только въ отмѣнѣ черты еврейской осѣдлости и ограниченій въ политическихъ правахъ, но и въ предоставленіи евреямъ какой-нибудь области, гдѣ они пользовались бы національной автономіей. Тогда сама собой возникла бы своего рода черта русской осѣдлости, которой не могли бы переступать русскіе люди, чтобы не нарушить какъ-нибудь автономныя права финляндцевъ, эстовъ, латышей, поляковъ, евреевъ и т. д.

Такую же разлагающую роль, какъ евреи на западныхъ нашихъ окраинахъ, сыграли на Кавказѣ армяне. Хотя число ихъ не превышаетъ $1^1/_2$ милліона и, слѣдовательно, значительно уступаетъ русскому ($3^1/_2$ милліона) и татарскому (2 милліона) населенію Кавказа, тѣмъ не менѣе, благодаря своей хитрости, богатству и вліянію на русскихъ администраторовъ Кавказа, армянамъ удалось въ послѣдніе годы залить кровью все Закавказье. Сотни русскихъ людей военнаго и гражданскаго званія пали главнымъ образомъ отъ ихъ кинжаловъ, револьверовъ, бомбъ. Русскимъ войскамъ пришлось вновь завоевывать Закавказье, какъ нѣкогда при кн. Циціановѣ и ген. Ермоловѣ.

Дѣятельное соучастіе въ этихъ мятежахъ приняли также грузины, а отчасти и другіе инородцы картвельскаго племени. Вѣроятно, армяно-грузинская смута приняла бы еще большіе размѣры, при плачевной безпомощности гр. Воронцова-Дашкова, если бы стремленія армянъ къ возстановленію Великой Арменіи въ границахъ Митридатова царства не вызвали отпора въ средѣ закавказскихъ татаръ, а подобныя же стремленія картвельцевъ къ возстановленію Великой Грузіи не столкнулись съ противодѣйствіемъ абхазцевъ, сванетовъ, осетинъ и другихъ горцевъ.

Кромѣ того, нашлись на Кавказѣ въ средѣ гражданской и военной доблестные русскіе люди, которые подавили мятежи въ Тифлисѣ, Кутаисѣ, Батумѣ, независимо отъ распоряженій намѣстника, или даже вопреки имъ. Теперь уже рѣже приходится слышать о Великой Арменіи или Великой Грузіи подъ Кавказомъ, а развиваются болѣе скромные планы о подъемѣ Эчміадзинскаго патріархата и учрежденіи автокефальной Грузинской церкви.

Въ пылу полемики армянъ съ татарами, вызванной ихъ кровавыми столкновеніями въ Баку, Шушѣ, Елисаветполѣ, Эривани, первые нерѣдко упрекали послѣд-

нихъ въ стремленіяхъ къ отложенію отъ Россіи къ Персіи или Турціи, во имя панисламизма или пантюркизма. Возможно, что подобныя стремленія и развиваются въ средѣ нѣкоторыхъ муллъ и журналистовъ Казани, Бахчисарая, Баку. Но опытъ нашего послѣдняго лихолѣтія показалъ, что массы татарскаго населенія еще не увлекаются такими стремленіями. На происходившихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и Петербургѣ мусульманскихъ, вѣрнѣе татарскихъ съѣздахъ, возбуждаемы были ходатайства скорѣе вѣроисповѣднаго и школьнаго, чѣмъ политическаго характера. Равнымъ образомъ и между сотнями прошеній, представленныхъ татарами, отчасти и другими нашими магометанами, въ Совѣщаніе по дѣламъ вѣры, происходившее подъ предсѣдательствомъ незабвеннаго гр. А. П. Игнатьева, не было ни одного, которое бы стремилось къ возстановленію татарской автономіи въ предѣлахъ Казанскаго, Крымскаго или Астраханскаго царствъ. Наоборотъ, всѣ они направлены были къ независимости муфтіевъ и муллъ, мектебовъ и медресъ, судовъ по шаріату, а у киргизовъ — къ обезпеченію старыхъ формъ ихъ быта и способовъ землепользованія. Лишь немногія изъ этихъ прошеній преслѣдуютъ національно-политическія цѣли, главнымъ образомъ—отатареніе всѣхъ нашихъ мусульманъ.

При сравненіи этихъ требованій съ предъявленными со стороны армянъ, грузинъ, евреевъ, поляковъ нельзя не признать ихъ еще довольно умѣренными и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, исполнимыми, за исключеніемъ, конечно, насильственнаго отатаренія всѣхъ русскихъ магометанъ.

То же, приблизительно, слѣдуетъ сказать о ходатайствахъ, возбужденныхъ въ періодъ «освободительнаго движенія» нашими монгольскими инородцами: калмыками въ Приволжьѣ и бурятами въ Прибайкальѣ. Въ ходатайствахъ этихъ, составленныхъ подъ

вліяніемъ ламъ, выражается стремленіе къ укрѣпленію въ ихъ средѣ ламайскаго вѣроисповѣданія и образованія, а также къ подъему экономическаго благосостоянія калмыковъ и бурятъ.

Вѣроятно, окажется возможнымъ исполнить многія изъ этихъ желаній нашихъ ламаитовъ, не только въ виду ихъ относительной умѣренности, но и важности для Россіи добрыхъ отношеній къ ламаитамъ китайскимъ, господствующимъ въ монгольскихъ степяхъ и на высотахъ Тибета.

II.

Въ чемъ же заключаются причины столь ненадежнаго состоянія нашихъ окраинъ — въ концѣ тысячелѣтія непрерывныхъ усилій русскаго народа, государства, общества къ закрѣпленію ихъ за Россіей?

Отчасти онѣ могли заключаться въ исключительной трудности самой задачи — племенного и духовнаго слиянія столь разнообразныхъ и обширныхъ инородческихъ окраинъ съ русскимъ ядромъ нашего государства. Подобное сліяніе вообще предполагаетъ очень продолжительный періодъ взаимодѣйствія одного племени на другое и одной образованности на другую. Благодаря такой трудности, и во многихъ другихъ, даже очень сильныхъ и образованныхъ государствахъ существуютъ донынѣ окраины, которыя въ теченіе многовѣковой совмѣстной жизни не вполнѣ еще или и вовсе не слились съ господствующимъ племенемъ, какъ, напримѣръ, баски въ Испаніи, кельты во Франціи и Англіи, лопари въ Швеціи и Норвегіи и мн. др.

Но, съ другой стороны, мы видимъ на Западѣ не мало и такихъ государствъ, которыя успѣли въ короткое относительно время претворить въ господствующее племя цѣлыя дюжины инородческихъ своихъ окраинъ. Такъ еще 600—700 л. тому назадъ значительная часть

нынѣшней Пруссіи, вплоть до Лабы (Эльбы) и Везера, была населена прибалтійскими и сербо-лужицкими славянами, отъ которыхъ нынѣ остались едва осколки на дюнахъ Поморья (Помераніи) и въ болотахъ Спревскаго лѣса.

Да и у насъ поглощеніе инородческихъ окраинъ господствующимъ племенемъ, какъ выше указано, шло очень быстро и прочно въ первый, до-татарскій періодъ русской исторіи, а стало замедляться лишь впослѣдствіи, особенно съ XVII—XVIII вв.

Нужно, слѣдовательно, предполагать, что, независимо отъ общей трудности подобнаго рода переходовъ на окраинахъ отъ одной народности къ другой или по крайней мѣрѣ отъ одного настроенія къ другому, существовали еще у насъ другія, болѣе частныя причины — племенныя, духовныя, государственныя, общественныя—то содѣйствовавшія указаннымъ переходамъ, то затруднявшія или даже задерживавшія ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Такъ, напримѣръ, неоднократное передвиженіе пограничной черты между народностями русскою и польскою, по направленію то къ востоку, то къ западу, притомъ не въ государственномъ лишь, но и въ племенномъ смыслѣ, объясняется взаимной близостью русскихъ и поляковъ по происхожденію, языку, быту и нравамъ, а отчасти и по образованію, особенно въ древнюю пору, а затѣмъ въ періодъ государственныхъ и церковныхъ уній между Польшею, Литвою и Западною Русью.

По сходнымъ причинамъ очень легко совершалось сліяніе съ русскимъ племенемъ южнославянскихъ переселенцевъ, напримѣръ сербскихъ въ Новой Сербіи, а болгарскихъ въ Бессарабіи и смежныхъ черноморскихъ областяхъ.

До нѣкоторой степени то же наблюдается въ пограничномъ поясѣ населеній западно-русскихъ и литовско-латышскихъ, связанныхъ единствомъ—если не

славянскаго, то лѣто-славянскаго—происхожденія въ древнюю пору и основанною на этомъ возможностью легкаго изученія литвинами русской рѣчи, а русскими—литовской или латышской. Ихъ племенная близость была поддержана и общностью многихъ историческихъ преданій, юридическихъ основъ, бытовыхъ условій Руси и Литвы.

То же приблизительно нужно сказать о пограничныхъ областяхъ между малороссами и молдовалахами или румынами,—гдѣ разграничительная черта легко отклонялась то на востокъ, то на западъ по линіи Днѣстра и Прута, въ нынѣшней Бессарабіи, Буковинѣ, Молдавіи. При довольно значительномъ разстояніи языковъ русскаго и румынскаго, особенно въ грамматическомъ построеніи, между этими двумя смежными народами всегда чувствовалась духовная близость, коренящаяся на православіи и многихъ вѣкахъ общей или духовно-связанной исторической жизни.

Въ такихъ же приблизительно отношеніяхъ находились русскіе къ православнымъ грекамъ, а на Кавказѣ къ православнымъ осетинамъ и отчасти армянамъ, которые также связаны съ славянорусами единствомъ аріоевропейскаго происхожденія и восточно-христіанской образованности.

Труднѣе были пути племенного и духовнаго сближенія русскихъ съ племенами финскими, которыя по языку и происхожденію стояли уже дальше отъ русскихъ славянъ, ближе примыкая въ этомъ отношеніи къ племенамъ турецко-татарскимъ или тюркскимъ. Но все же продолжительное сожительство славянорусовъ съ финскими племенами, особенно на сѣверо-западѣ и сѣверѣ, по сю и по ту сторону Волока, привело уже въ древнюю пору къ очень тѣсному сближенію, а отчасти и къ сліянію послѣднихъ съ первыми. Такъ почти совершенно вымерли или, вѣрнѣе, потонули въ русской народности и гражданственности извѣстныя въ древнее

время финскія племена: водь или вожане, весь, меря, мещера, мурома, мордва, пермяки или зыряне, югра и мн. др. Лишь скудные остатки этихъ племенъ сохранились донынѣ, отчасти въ состояніи двуязычныхъ населеній, что замѣчается, напримѣръ, между мордвою, зырянами, чухонцами. Только эсты, финны, ямь, корела, на востокѣ черемисы и вотяки, а еще сѣвернѣе лопари, самоѣды и остяки сохранили въ бо́льшей чистотѣ свою рѣчь, нравы и обычаи.

Очень далеко стояли отъ русскихъ по происхожденію, языку, быту и племена турецко-татарскія, почему взаимодѣйствіе съ ними русскихъ было довольно слабо. Но все же русскимъ удалось претворить по своему образу и подобію немало древне-тюркскихъ племенъ, въ родѣ, напримѣръ, печенѣговъ, торковъ, берендеевъ, бродниковъ, половцевъ. Только со времени образованія Золотой Орды, съ ея Казанскимъ и Крымскимъ развѣтвленіями, а затѣмъ Османской имперіи устойчивость тюркскаго племени по отношенію къ сосѣдямъ значительно возросла, такъ что ему удалось навязать свою рѣчь нѣкоторымъ угро-финскимъ племенамъ, напримѣръ чувашамъ, мещерякамъ, башкирамъ, а также нѣкоторымъ аріо-европейцамъ и семитамъ, напримѣръ крымскимъ готамъ, грекамъ, караимамъ. И теперь разныя вѣтви племени тюркскаго, достигающія у насъ въ совокупности 14—15 милліоновъ душъ населенія, пребываютъ въ духовномъ отчужденіи отъ русскаго народа и его образованности, за исключеніемъ немногихъ крещеныхъ татаръ, чувашъ, башкиръ, киргизовъ, алтайцевъ—въ краяхъ поволжскихъ, пріуральскихъ, подалтайскихъ. Изъ татаръ же магометанской вѣры успѣли сблизиться съ русскими въ бытовомъ и язычномъ отношеніи лишь немногочисленные литовскіе татары, да, пожалуй, еще якутскіе въ Сибири.

Изъ племенъ собственно монгольскихъ въ подданство Россіи пришли, и то очень поздно, только кал-

мыки и буряты. Небольшая часть ихъ сблизилась съ русскимъ народомъ черезъ православіе. Но калмыки и буряты ламайскаго вѣроисповѣданія — подобно тюркамъ-магометанамъ — остаются донынѣ въ духовномъ отчужденіи отъ русскихъ. То же должно сказать и о восточно-сибирскихъ тунгузахъ (соплеменники манджуровъ), отчасти крещеныхъ, отчасти шаманствующихъ или ламайскихъ.

Въ средѣ коренныхъ народовъ Кавказа, рѣчь которыхъ такъ же далека отъ русской, какъ тюркская или финская, наиболѣе расположенными къ духовному сближенію съ народомъ русскимъ оказывались издана православные грузины, имеретины, мингрельцы, гурійцы, то есть вѣтви картвельскаго племени, а за ними—племена сванетскія и абхазскія, насколько они приняли православіе. Гораздо большія затрудненія встрѣчались въ этомъ отношеніи между лезгинами и другими горцами Дагестана, а равно между чеченцами, кабардинцами, черкесами на западѣ горнаго Предкавказья. Значительная часть послѣднихъ, какъ извѣстно, даже выселилась въ Турцію, азіатскую и европейскую, подъ вліяніемъ своихъ фанатичныхъ муллъ, ишановъ, мюридовъ.

III.

Изъ только что приведенныхъ данныхъ видно, что хотя племенное сближеніе русскихъ съ инородцами во многомъ зависѣло отъ взаимной близости или отдаленности ихъ происхожденія, языка, быта, однако не безъ вліянія оставались при этомъ и духовныя особенности тѣхъ и другихъ, обусловленныя ихъ вѣрованіями, образованіемъ, гражданственностью.

Если, напримѣръ, русскій и православный человѣкъ сталкивались на той или другой окраинѣ государства съ язычникомъ, то понятно, что первый легче подчинялъ послѣдняго своему вліянію, чѣмъ при встрѣчѣ съ

инородцемъ болѣе выработаннаго вѣроисповѣданія, напримѣръ іудейскаго, магометанскаго, ламайскаго. Потому-то русскимъ удалось претворить въ свою плоть и кровь такое огромное количество литовцевъ, финновъ, даже языческихъ тюрковъ, но вовсе не удалось этого достигнуть по отношенію къ евреямъ, татарамъ-магометанамъ, калмыкамъ-ламаитамъ.

При встрѣчѣ же русскихъ съ инородцами христіанскаго вѣроисповѣданія успѣхъ духовнаго сближенія первыхъ съ послѣдними во многомъ зависѣлъ отъ того, принадлежали ли эти инородцы къ церкви православной, или—инославной.

Въ первомъ случаѣ сближеніе достигалось несравненно легче, чѣмъ въ послѣднемъ, какъ это можно видѣть при сравненіи русскихъ успѣховъ на народномъ полѣ православныхъ литовцевъ, румынъ, даже латышей и эстовъ, по сравненію съ отчужденностью къ намъ окраинъ католическихъ (Жмудь, Польша), или лютеранскихъ (въ Финляндіи, Эстляндіи, Лифляндіи, Курляндіи, даже въ Новороссіи и Приволжьѣ).

Но не въ малой мѣрѣ зависѣли успѣхи русскихъ при взаимодѣйствіи съ инородцами и отъ того уровня образованія, на какомъ стояли первые по сравненію съ послѣдними въ мѣстахъ ихъ соприкосновенія. На европейскомъ, напримѣръ, и азіатскомъ востокѣ наши успѣхи представляются издревле болѣе быстрыми и прочными, чѣмъ на югѣ или западѣ, гдѣ русскимъ пришлось имѣть дѣло съ народами болѣе старой (византійской, арабской, латино-нѣмецкой), отчасти и болѣе развитой—особенно въ техническомъ отношеніи -образованности. Этимъ объясняются особыя трудности, встрѣченныя русскимъ народомъ въ борьбѣ за наши западныя окраины—съ крестоносцами, Ганзой, Швеціей, Польшей, Римомъ, Германіей, Австріей, даже Франціей, Англіей и Сардиніей. Да и на Дальнемъ Востокѣ неудача нашей послѣдней войны объясняется главнѣйше

тѣмъ, что русскимъ пришлось на поляхъ Манджуріи столкнуться съ народомъ старой образованности, подготовленнымъ въ техническомъ отношеніи уроками Запада и поддержаннымъ въ отношеніи хозяйственномъ и международномъ англосаксонскими государствами Стараго и Новаго Свѣта, а равно всемірнымъ кагаломъ.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что наша образованность, коренящаяся на православіи, ниже какой-либо другой изъ существующихъ нынѣ на Западѣ или Востокѣ по своимъ началамъ или основамъ: наоборотъ, по нашему глубокому убѣжденію и вѣрованію, она выше въ этомъ отношеніи всѣхъ прочихъ просвѣтительныхъ системъ, основанныхъ на буддизмѣ, коранѣ, талмудѣ, папизмѣ, протестантизмѣ. Но эта глубина основъ нашей образованности, высота нашихъ духовныхъ стяговъ можетъ служить для насъ порукою лишь конечной, а не немедленной побѣды на полѣ мірового труда и духовнаго состязанія образованныхъ народовъ.

IV.

Далѣе, представляется безспорнымъ, что въ ходѣ борьбы русскаго народа за свои окраины весьма важное значеніе имѣли: общественно-хозяйственный укладъ его, большее или меньшее искусство его правителей, та или иная крѣпость его народнаго самосознанія.

Въ древнее время, когда не было еще на Руси глубокаго различія между знатными и худородными, свободными и подневольными, богатыми и бѣдными, образованными и невѣгласами, русскій народъ могъ дѣйствовать на сосѣднихъ инородцевъ путемъ и переселеній въ окраины, и семейныхъ связей съ инородцами, и торговыхъ сношеній, связей общественныхъ, церковныхъ, государственныхъ,—словомъ, всѣми воз-

можными средствами народнаго взаимодѣйствія и духовнаго сближенія. Въ примѣръ сошлемся хотя бы на широкую колонизаторскую, торгово-промышленную и просвѣтительную дѣятельность Великаго Новгорода на всемъ нашемъ сѣверѣ, отъ Чудскаго озера и Финскаго залива до Ледовитаго океана и горъ Уральскихъ. Только позже, съ XIV—XV вв. соперничество съ Москвою ослабило и матеріальныя, и нравственныя силы великой общины, которая стала со временемъ, изъ вражды къ Москвѣ, тяготѣть къ Литвѣ и даже заигрывать съ Швеціей.

Впослѣдствіи сила общественно-экономическаго воздѣйствія русскаго племени на инородцевъ не увеличивалась, а скорѣе ослабѣвала, въ зависимости главнымъ образомъ отъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, а въ дальнѣйшемъ и полнаго порабощенія ихъ лицами служилаго сословія, превратившагося въ XVIII в. въ неслужилое или вольное дворянство. Правда, съ постепеннымъ закрѣпощеніемъ крестьянъ увеличивалось число гулящихъ людей, которые бѣжали въ лѣса и степи, заселяя понемногу этимъ путемъ окраины. Но такъ какъ бѣглецы эти направлялись главнымъ обаазомъ на югъ и востокъ, а въ періодъ раскола и на сѣверъ, то это придало нѣсколько односторонній характеръ русскому разселенію и ослабило наши западныя окраины, чѣмъ и воспользовались потомъ поляки, шведы, нѣмцы, а впослѣдствіи и евреи.

Въ этихъ условіяхъ заключается одна изъ главныхъ причинъ и постепеннаго оскудѣнія нашихъ серединныхъ великорусскихъ областей, которыя цѣлые вѣка должны были выдерживать на себѣ тяжесть не только государственнаго строительства, но еще вдобавокъ кормленія верхнихъ слоевъ населенія.

Въ Россіи же западной предкамъ нынѣшнихъ бѣлорусовъ и малорусовъ пришлось цѣлые вѣка нести на своихъ плечахъ тяжесть государства польско-литов-

скаго, питая своими соками цѣлыя орды инородцевъ — магнатовъ, шляхтичей, монаховъ, бюргеровъ, торгашей. Даже возсоединеніе этихъ старыхъ гнѣздъ русской народности съ Московскимъ государствомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и Екатеринѣ II не освободило бѣлорусовъ и малорусовъ отъ тяготѣвшаго надъ ними гнета, а отчасти еще усилило таковой въ пользу пришлыхъ поляковъ, нѣмцевъ, евреевъ.

Нельзя, конечно, утверждать, что и въ нашихъ нынѣшнихъ инородческихъ окраинахъ не было подобныхъ явленій общественнаго гнета и хозяйственнаго оскудѣнія, напримѣръ въ Польшѣ, Литвѣ, Ливоніи, Эстоніи, Финляндіи, а равно въ областяхъ магометанскихъ, гдѣ такъ долго держалась работорговля. Но со времени своего присоединенія къ Россіи области эти получили широкую возможность развиваться за счетъ имперіи — въ смыслѣ торговомъ, промышленномъ, даже научномъ и школьномъ, благодаря чему многія изъ нихъ далеко опередили коренныя русскія области по богатству населенія и относительной его образованности.

V.

Сверхъ указанныхъ причинъ слабаго воздѣйствія русскихъ людей на жизнь нашихъ инородческихъ окраинъ, нельзя не отмѣтить еще одной и довольно существенной: ненародности нашей окраинной политики, особенно со временъ Петра Великаго.

Въ древніе и старые вѣка нашей исторіи, когда нашимъ князьямъ и царямъ удавалось присоединить къ русскимъ владѣніямъ ту или другую инородческую область, они старались заселить хоть важнѣйшія ея мѣстности русскимъ народомъ, ввести тамъ русское управленіе, суды, законы, распространить въ средѣ иновѣрцевъ православіе, покрыть область православными

монастырями, церквами, школами, связать торговыми путями, — вообще, закрѣпить окраину за русскимъ государствомъ, народомъ, просвѣщеніемъ. Такой окраинной политики держались не только св. Владиміръ и Ярославъ Мудрый, но и всѣ почти позднѣйшіе наши князья кіевскіе, галицко-волынскіе, полоцкіе, суздальскіе, вѣчевыя общины Новгородская и Псковская, а позже великіе князья и цари московскіе. Еще царь Иванъ IV строго держался такой политики, заселивъ, напримѣръ, русскими поселенцами часть Казани и нѣкоторыя другія мѣстности въ царствѣ Казанскомъ. Тамъ немедленно основаны были монастыри и учреждены православныя епархіи, во главѣ которыхъ такъ успѣшно дѣйствовали— даже на почвѣ магометанской—святители Гурій, Варсонофій, Германъ. И въ Ливоніи по завоеваніи Юрьева и Вендена Иванъ Грозный немедленно посадилъ тамъ своего епископа (Корнилій, потомъ Савва), стремясь этимъ путемъ создать въ завоеванномъ краѣ духовный противовѣсъ вліяніямъ папизма и лютеранства.

Совершенно иначе поступалъ въ той же Ливоніи, а потомъ и въ Эстоніи Петръ Великій. Онъ выдавалъ тамошнимъ баронамъ, пасторамъ, бюргерамъ грамоты, по которымъ за ними оставлялись всѣ прежнія права и льготы, въ томъ числѣ господство нѣмецкаго языка, протестантскаго исповѣданія и всѣхъ прежнихъ законовъ—то нѣмецкаго, то шведскаго происхожденія—къ великому ущербу какъ порабощенныхъ нѣмцами латышей и эстовъ, такъ и русскаго населенія, которое отчасти сохранялось еще тамъ отъ дней древнихъ, со временъ Ярослава Мудраго и юрьевскаго князя Вячко. Правда, Петръ Великій и его полководцы, подписывая подобныя грамоты и капитуляціи, обыкновенно дѣлали оговорку: «елико оные (пункты грамоты) къ нынѣшнему правительству и времени приличаются... безъ предосужденія и вреда нашего и нашихъ государствъ высочества и правъ». При заключеніи же Ништадтскаго

мира царь включилъ въ договоръ статью, что въ уступленныхъ Швеціею Россіи областяхъ «и вѣра греческаго исповѣданія впредь тако же свободно и безъ всякаго помѣшательства отправлена быть можетъ и имѣетъ».

Но позже, когда при русскомъ дворѣ стали играть первую роль инородцы, въ родѣ Остермана, Миниха, Бирона, всѣ указанныя оговорки Петра Великаго въ капитуляціяхъ были забыты, равно какъ жалованный характеръ этихъ грамотъ, такъ что бароны, пасторы, бюргеры стали выдавать ихъ за международные договоры, служащіе какъ бы дополненіемъ къ Ништадтскому договору Россіи съ Швеціей. Только въ Ингріи и Кареліи, особенно въ мѣстностяхъ, непосредственно прилегающихъ къ новой русской столицѣ, Петербургу, Петръ Великій усвоилъ себѣ болѣе надежную, новгородскую политику укрѣпленія за собой окраинъ—путемъ русской колонизаціи, управленія, церквей, школъ. Но такъ какъ этотъ небольшой русскій клинъ оказался втиснутымъ въ среду чудскихъ инородцевъ, сохранявшихъ для себя опору съ одной стороны въ Эстляндіи, а съ другой въ Финляндіи, то достигнутое здѣсь закрѣпленіе за русскимъ народомъ приморской чухонско-карельской окраины и донынѣ представляется еще неполнымъ, хотя эта окраина уже въ древнюю пору входила въ составъ земель новгородскихъ, какъ Вотская пятина.

Допущенныя Петромъ Великимъ ошибки въ окраинной политикѣ, конечно, не могли быть устранены ни курляндской герцогиней Анной Іоанновной, съ ея нѣмецкими любимцами, ни Петромъ III, который болѣе заботился о выгодахъ Пруссіи, чѣмъ Россіи. Скорѣе можно было ожидать возрожденія въ окраинахъ нашей старой народной политики при Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II. Но и у нихъ не хватило для этого ясности взглядовъ и твердости характера, тѣмъ болѣе, что

первая, какъ дочь преобразователя, а вторая, какъ нѣмецкая по рожденію и воспитанію принцесса, не могли отрѣшиться отъ западническаго подражанія то французамъ, то нѣмцамъ и ухаживанія за ними во внутренней и внѣшней политикѣ.

Елисаветѣ Петровнѣ посчастливилось, правда, расширить нашу государственную площадь въ Финляндіи, а Екатеринѣ II—въ Курляндіи, Бѣлоруссіи, Литвѣ, Украйнѣ, Новороссіи. Но при этомъ очень мало было сдѣлано для закрѣпленія этихъ областей за русскимъ народомъ. Екатерина II заселяла даже наши окраины, особенно Новороссію и Поволжье, не русскими, а нѣмецкими колонистами, которые донынѣ не слились тамъ съ русскими, а наоборотъ—притянули туда впослѣдствіи изъ Германіи множество новыхъ колонистовъ. Такимъ образомъ, наша Волынь, Новороссія, Поволжье имѣютъ теперь больше нѣмецкаго населенія, чѣмъ Курляндія, Лифляндія, Эстляндія! Крупной ошибкой Екатерины II въ окраинной политикѣ было и то, что она объединила три послѣднія провинціи въ административномъ отношеніи, благодаря чему нѣмцы получили возможность дѣйствовать въ нихъ соединенными силами, чего они лишены были въ прежніе вѣка, когда эти области были раздѣлены на двѣ или на три части, въ составѣ то Ливонскаго ордена и Даніи, то Польши и Швеціи. Это объединеніе не вызывалось и племеннымъ составомъ коренного населенія прибалтійскихъ областей, эстонскаго на сѣверѣ и латышскаго на югѣ.

И на восточныхъ нашихъ окраинахъ Екатерина II не мало содѣйствовала ихъ отчужденію отъ Россіи совершенно излишнимъ учрежденіемъ для магометанъ должностей муфтія, одного въ Симферополѣ, а другого въ Оренбургѣ (нынѣ въ Уфѣ), а для ламаитовъ—подобной же должности главнаго ламы всѣхъ бурятскихъ и тунгузскихъ родовъ. Этимъ путемъ созданы были административныя средоточія для объединенія

въ одно цѣлое дробныхъ раньше инородцевъ, принадлежавшихъ, напримѣръ, въ средѣ магометанъ къ племенамъ татарскому, чувашскому, башкирскому, мещерякскому, киргизскому, а въ средѣ ламаитовъ—къ монгольскому и тунгузско-манчжурскому.

Еще непонятнѣе стремленія Екатерины II къ обращенію шаманистовъ-киргизовъ въ магометанство, а бурятъ и тунгузовъ въ ламаизмъ, то есть въ вѣроисповѣданія болѣе сплоченныя и болѣе враждебныя православію, чѣмъ первобытное шаманство.

Съ точки зрѣнія славянской политики, большой ошибкой слѣдуетъ признать и допущенные Екатериной II, по почину Пруссіи, раздѣлы Рѣчи-Посполитой, произведенные такъ неудачно, что Пруссіи и Австріи достались тогда, сверхъ польскихъ областей, и нѣкоторыя искони русскія земли, отчасти донынѣ оторванныя отъ нашего государства, хотя оно именуетъ себя Всероссійскимъ (de toutes les Russies).

Не болѣе ли соотвѣтствовало бы тогда задачамъ и славянской, и русской политики сохраненіе Польши въ этнографическихъ границахъ польской народности подъ русскимъ протекторатомъ, съ непосредственнымъ присоединеніемъ къ Россіи лишь частей русскихъ и литовскихъ? Если же это было по международнымъ отношеніямъ невыполнимо для Екатерины II, то слѣдовало отсрочить разрѣшеніе этого вѣкового вопроса до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя наступили, напримѣръ, при Наполеонѣ I, но, къ сожалѣнію, не были использованы въ должной мѣрѣ императоромъ Александромъ I ни послѣ Іены, ни послѣ Тильзита, ни даже послѣ Вѣнскаго конгресса.

Вообще, слѣдуетъ признать, что никто изъ нашихъ монарховъ не сдѣлалъ столькихъ ошибокъ при рѣшеніи очередныхъ окраинныхъ вопросовъ, какъ Александръ I. Возьмемъ, напримѣръ, Финляндію. Государственная важность окончательнаго отторженія ея отъ

Швеціи была хорошо сознаваема не только Петромъ Великимъ, Елисаветою Петровною, Екатериною II, которые вели за нее войны, но и самимъ Александромъ I. Это видно изъ манифеста отъ 1 октября 1809 г., изданнаго императоромъ по случаю только что передъ тѣмъ (5 сентября 1809 г.) заключеннаго въ Фридрихсгамѣ мирнаго трактата съ шведскимъ королемъ—о передачѣ послѣднимъ навсегда губерній Киммснегордской, Ниландской, Тавастгусской, Абоской и Біернеборгской съ островами Аландскими, Савалакской и Карельской, Вазовской, Улеаборгской и части Западной Ботніи до рѣки Торнео—«въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской». Въ означенномъ манифестѣ мы читаемъ между прочимъ:

... «Въ теченіе седми столѣтій непрерывныя почти войны потрясали спокойствіе народовъ (конечно, русскаго и финскаго), предоставленныхъ природою хранить доброе и мирное сосѣдство. Отъ самыхъ отдаленныхъ тѣхъ временъ до дней нашихъ, отъ славныхъ побѣдъ благочестиваго предка нашего Святого и Великаго Князя Александра Невскаго до настоящаго мира, рѣдко проходило двадесятъ сряду лѣтъ, и никогда почти не протекало полвѣка, чтобъ война между ими не возникла.

... «Колько кратно финляндецъ, всегдашній предметъ и позорище сей войны, страдалъ, истребляемъ огнемъ и мечомъ!

«Успѣхами оружія славныхъ нашихъ предковъ, превозможеніемъ ихъ и твердостію духа троекратно (при Петрѣ Великомъ, Елисаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II) присоединяемы были къ Россіи разныя части пограничныхъ шведскихъ владѣній. Часто постановляемы и многократно подтверждаемы были мирные трактаты... Но причины войны были неизсякаемы. Споры о границахъ безпрестанно возраждались, и среди мира Россія не обрѣтала въ нихъ твердой ограды своему спокойствію...

... «Провидѣнію угодно наконецъ было сію долголѣтнюю и всегда возрождающуюся при сосѣднихъ народовъ рѣшить окончательно въ наши дни.

... «По слѣдамъ древнихъ побѣдъ, въ странахъ, гдѣ Петръ Великій пріучалъ Россію къ воинской славѣ, храброе наше воинство... простерло славу Россійскаго оружія до самыхъ отдаленныхъ странъ Сѣвера, покорило Финляндію, завладѣло всѣми ея провинціями, одержало знаменитые острова Аландскіе и, объявъ Ботническій заливъ, пройдя западную Ботнію, на отдаленныхъ предѣлахъ ея утвердило свое обладаніе. На семъ великомъ пространствѣ всѣ города, порты укрѣпленные, самыя твердыни Свеаборга пали во власть его.

«Путь къ побѣдамъ... еще былъ отверстъ, но какъ скоро надежда къ прочному миру представилась возможною, мы съ удовольствіемъ... обратились къ миру. Въ основаніяхъ его мы постановили оградить Имперію нашу *естественными* и *твердыми* предѣлами, отдалить и пресѣчь навсегда причину и предлогъ браней...

... «Сею твердою надеждою, постановленіемъ Имперіи нашей *непреложныхъ* и *безопасныхъ* границъ измѣряемъ мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ, съ другой окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, *всегда будутъ* составлять *твердую и надежную ограду Имперіи* нашей.

«При такихъ существенныхъ выгодахъ сего мира не можетъ быть для сердца нашего равнодушно и присоединеніе къ числу вѣрныхъ нашихъ подданныхъ народа финскаго. Бѣдствіями войны доселѣ почти непрерывно обуреваемый, отнынѣ станетъ онъ на чредѣ народовъ, подъ сѣнію престола нашего покоящихся въ тишинѣ и безопасности. Шесть губерній, со всѣми

принадлежащими къ нимъ городами и селеніями, пріобрѣтаютъ симъ новое бытіе и благословляютъ уже промыселъ Вышняго, судьбу ихъ тако устрояющій»...

Что же сдѣлано было императоромъ Александромъ I для прочнаго обезпеченія за Россіей столь важнаго — особенно со времени перенесенія на берега Невы русской столицы—пріобрѣтенія?

Почти ничего! Подчиняясь внушеніямъ финляндскаго «Паткуля» — Спренгпортена, съ его русскими и нѣмецкими союзниками (Аракчеевымъ, Кнорингомъ и другими), Александръ I еще до заключенія мира со шведами созвалъ депутатовъ отъ занятыхъ тогда русскими войсками частей Финляндіи въ Петербургъ (въ августѣ—ноябрѣ 1808 г.), а нѣсколько позже въ Борго (16 марта 1809 г.). Депутатамъ этимъ императоръ заявилъ сначала устно (17 ноября 1808 г.), а потомъ и письменно (въ грамотахъ 17 марта 1809 г. и 23 марта 1809 г.), что онъ не перестанетъ помышлять о благѣ жителей Финляндіи и будетъ соблюдать всѣ дарованныя имъ права и преимущества, сходно съ прежними ихъ постановленіями. Въ частности же, Александръ I (въ грамотѣ 17 марта 1809 г.) «призналъ за благо вновь утвердить и удостовѣрить религію (конечно, лютеранскую), коренные законы (ближе не поименованные), права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ (то есть по установленіямъ Шведскаго королевства) ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи».

Могъ ли императоръ предвидѣть тогда, что упоминаемые въ этихъ его словесныхъ и письменныхъ обращеніяхъ къ финляндскимъ депутатамъ слова будутъ ими впослѣдствіи растолкованы, какъ передача финляндскому сейму (о немъ въ рѣчи вовсе не упоминается) тѣхъ правъ, какія имѣлъ у нихъ раньше шведскій го-

сударственный сеймъ (въ Стокгольмѣ), и притомъ по «кореннымъ законамъ» не 1809 г., а болѣе раннимъ (1772 и 1789 гг.), давно устарѣвшимъ въ самой Швеціи и отмѣненнымъ въ ней законами 1809 г., еще до подписанія Фридрихсгамскаго договора!

Могъ ли онъ думать, что, заботясь главнымъ образомъ о благѣ «народа финскаго», онъ на дѣлѣ упрочивалъ своими рѣчами и манифестами то преобладаніе въ Финляндіи шведскаго дворянства, духовенства и бюргерства, шведскаго языка и духа, которое было наслѣдіемъ цѣлаго ряда шведскихъ погромовъ и насилій, подобныхъ нѣмецкимъ, въ областяхъ эсто-латышскихъ, и польскимъ въ жмудско-литовскихъ? На дѣлѣ же оказалось, что преобладаніе горсти пришлыхъ шведовъ надъ массами коренного финскаго населенія было еще суровѣе подъ управленіемъ Александра I, Николая I, Александра II, чѣмъ во дни оны, подъ защитою шведскихъ воителей Густава-Адольфа и Карла XII!

Положеніе же русскихъ людей въ отвоеванной отъ шведовъ, послѣ семивѣковыхъ усилій, русскимъ оружіемъ Финляндіи стало, пожалуй, еще хуже, чѣмъ раньше. Особенно должно это сказать о Старой Финляндіи или Кареліи. Область эта уже въ XII в. входила южными своими частями во владѣнія Великаго Новгорода, подъ названіемъ Вотской пятины. Утраченная впослѣдствіи Русью, вмѣстѣ съ Ингріей, въ смутахъ междуцарствія, она почти цѣликомъ была отвоевана и включена при Петрѣ Великомъ, по Ништадтскому миру, въ русскія владѣнія подъ названіемъ Финляндской губерніи. По Абоскому же миру 1743 г. область эта была раздвинута далеко на западъ (до рѣки Кюменя) и сѣверъ, со включеніемъ въ нее Саймы и цѣлаго ряда другихъ озеръ Невской системы, а также городовъ Вильманстранда, Фридрихсгама, Нейшлота.

Къ этой-то области относятся слова Екатерины II въ инструкціи генералъ-прокурору Вяземскому (1764 г.):

«Сіи провинціи (Малороссію, Лифляндію, Финляндію) надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и перестали глядѣть, какъ волки къ лѣсу».

Кое-что и сдѣлано было при Екатеринѣ II въ этомъ направленіи въ Старой Финляндіи, особенно со времени учрежденія тамъ въ 1783 г. намѣстничества изъ уѣздовъ: Выборгскаго, Сердобольскаго, Кексгольмскаго, Нишлотскаго, Вильманстрандскаго и Фридрихсгамскаго. На область эту распространены были тогда общія губернскія учрежденія, съ дѣлопроизводствомъ на языкахъ шведскомъ, финскомъ и русскомъ. И въ школахъ намѣстничества было тогда введено «ученіе россійскаго языка, какъ весьма необходимо нужнаго въ томъ краѣ» (по указу 18 декабря 1786 г.).

Нѣкоторыя изъ этихъ постановленій были отмѣнены при Павлѣ I, но въ общемъ они держались и при императорѣ Александрѣ I, когда область эта была переименована (въ 1802 г.) въ Финляндскую губернію.

И вотъ эта-то обширная территорія, приблизительно составляющая треть всей нынѣшней Финляндіи, была добровольно оторвана Александромъ I отъ Россіи и присоединена къ шести новозавоеваннымъ имъ губерніямъ указомъ отъ 16 декабря 1811 г.! Къ отторженію этому тѣмъ менѣе было основаній, что по составу своего населенія — кареловъ — Старая Финляндія болѣе примыкаетъ къ карельскимъ областямъ въ Петербургской, Олонецкой, Архангельской губерніяхъ, чѣмъ къ собственно-финскимъ на западѣ и лопарскимъ на сѣверѣ нынѣшней Финляндіи. Не малая часть кареловъ, подъ вліяніемъ монастырей Валаамскаго и Соловецкаго, давно уже принадлежала къ православію. Съ 1811 г. они пришли въ зависимость отъ лютеранскаго губернатора и сената, что, конечно, не могло содѣйствовать успѣхамъ въ нихъ средѣ православія. Еще хуже стало тамъ положеніе коренныхъ русскихъ людей, со вре-

менъ новгородскихъ обитавшихъ по берегамъ Ладожскаго озера и въ прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ Кареліи.

Этимъ распоряженіемъ, которое можно объяснить себѣ единственно опасеніемъ финляндскаго бунта во время надвигавшейся уже тогда войны съ Наполеономъ, Александръ I вновь придвинулъ границу собственной Россіи почти къ стѣнамъ столицы, тогда какъ по миру Абоскому она уже лежала гораздо западнѣе Выборга и Иматры, приблизительно до рѣки Кюменя и города Нейшло́та.

Повидимому, самъ Александръ I замѣтилъ впослѣдствіи опасность стремленій финляндцевъ — особенно шведской знати и духовенства — къ государственной отдѣльности. Потому-то онъ вовсе не созывалъ финляндскихъ сеймовъ и не допускалъ финляндской арміи свыше двухъ-трехъ батальоновъ, въ чемъ ему подражалъ впослѣдствіи Николай I. Но и безъ сеймовъ и арміи эти стремленія развивались очень успѣшно, при содѣйствіи финляндскаго сената, а отчасти генералъ-губернаторовъ и статсъ-секретарей при русскомъ дворѣ, набиравшихся главнымъ образомъ изъ шведской знати въ Финляндіи. Очень важную роль сыграла въ этомъ отношеніи и шведская школа въ Финляндіи — лишь впослѣдствіи на половину офиннившаяся—а равно печать, проповѣдывавшая въ прозѣ и стихахъ вѣрность Швеціи и отчужденіе отъ Россіи. Плоды этого посѣва взошли уже при Александрѣ II, а пышно расцвѣли въ наше время.

Не столь ярко выразился починъ Александра I въ дѣлахъ эсто-латышской окраины. Но и тамъ его пристрастіе къ пережиткамъ германской старины въ сословныхъ учрежденіяхъ дало возможность нѣмецкимъ рыцарямъ произвести освобожденіе эстонскихъ и латышскихъ крестьянъ отъ крѣпостного права на такихъ началахъ, что послѣдніе остались было безъ земли, въ

качествѣ арендаторовъ, отчасти же батраковъ въ баронскихъ помѣстьяхъ и бездомныхъ бобылей. Послѣдствія этой ошибки не разъ уже вызывали въ прибалтійскихъ окраинахъ крестьянскія волненія и смуты, особенно же въ 1840-хъ годахъ и въ пору нашего—якобы освободительнаго—движенія двухъ послѣднихъ лѣтъ.

На литовско-жмудской и западно-русской окраинахъ Александръ I предоставилъ своему коварному другу князю Чарторыйскому насаждать на русскій счетъ польское образованіе, при посредствѣ Виленскаго польскаго университета и широкой сѣти польскихъ же среднихъ и низшихъ школъ. По присоединеніи же къ Россіи Варшавскаго герцогства и преобразованіи его въ автомонное Царство Польское, съ особымъ польскимъ сеймомъ, польскими судами и школами, Александръ I отдалъ въ жертву ополяченію и нашу исконно-русскую Холмскую область, съ примыкающимъ къ ней Подляшьемъ. Не прочь былъ императоръ присоединить къ Польшѣ и Литву съ Бѣлоруссіей, но Карамзину удалось во-время предостеречь его отъ этой гибельной мѣры, которая могла бы упразднить всѣ стяжанія русскаго государства и народа на западѣ, со временъ св. Владиміра, и привести къ возстановленію Польскаго государства на исконной русской почвѣ.

Изъ записокъ извѣстнаго декабриста Пестеля («Русская Правда») мы знаемъ, что предоставленныя Александромъ I Финляндіи и Польшѣ преимущества «возбудили чувство обиды въ русскихъ людяхъ» и были одною изъ причинъ возстанія 14 декабря 1825 г.

По отношенію къ Грузіи, по собственному желанію присоединившейся къ Россіи еще при Павлѣ I, императоръ Александръ I долго колебался, чувствуя «крайнее отвращеніе... отъ несправедливаго (!) присвоенія чужой земли». Только послѣ трекратнаго обсужденія этого дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ и рѣшенія его каждый разъ въ утвердительномъ смыслѣ,

согласился императоръ закрѣпить за Россіею Грузію манифестомъ 12 сентября 1801 г. Въ дальнѣйшемъ же утвержденіи русскаго господства на Кавказѣ Александръ I имѣлъ удачу найти двухъ даровитыхъ администраторовъ и полководцевъ въ лицѣ князя Циціанова и генерала Ермолова, которые постепенно расширили наши владѣнія изъ Грузіи на многочисленныя картвельскія и татарскія области въ Закавказьѣ, а затѣмъ и по сю сторону хребта, въ Дагестанѣ, Чечнѣ, Кабардѣ.

Къ сожалѣнію, императоръ Николай I не сумѣлъ впослѣдствіи оцѣнить величія дарованій и заслугъ Ермолова и передалъ управленіе Кавказомъ въ другія руки, далеко не обладавшія такой же энергіей, опытностью и тактомъ. Это должно сказать даже о графѣ Паскевичѣ и князѣ Воронцовѣ, не говоря уже про такихъ слабыхъ администраторовъ, какими были на Кавказѣ Розенъ, Головинъ, Нейдгартъ. А между тѣмъ Ермоловъ еще лѣтъ 35 († 1861) жилъ гдѣ-то въ глуши, забытый всѣми, въ полнотѣ своего генія и силъ!

Чѣмъ былъ бы теперь Кавказъ, если бы онъ тамъ остался еще хоть десять лѣтъ? Тогда, конечно, не пришлось бы Россіи имѣть тамъ впослѣдствіи дѣло ни съ Шамилемъ, ни съ мятежомъ черкесовъ, ни съ мечтами о Великой Грузіи и Великой Арменіи!

Въ польскомъ вопросѣ на Николая I отрезвляющимъ образомъ подѣйствовалъ бунтъ 1831 г., стоившій полякамъ автономіи и отразившійся въ западныхъ губерніяхъ возсоединеніемъ русскихъ уніатовъ съ православною церковью, по почину и указаніямъ приснопамятнаго Іосифа Сѣмашко.

И въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ началѣ 1840-хъ годовъ обнаружилось между латышами и эстами сильное движеніе отъ лютеранства къ православію, приведшее къ образованію цѣлой сотни эстонскихъ и латышскихъ православныхъ приходовъ, составившихъ особую Рижскую епархію. Императоръ Николай I безспорно

сочувствовалъ этому движенію и старался устранять препятствія, ему воздвигаемыя нѣмецкими баронами и пасторами. Къ сожалѣнію, и этотъ энергичный императоръ не въ состояніи былъ ни распутать, ни разорвать густую сѣть клеветъ и интригъ, наброшенныхъ нѣмцами на это вѣроисповѣдное движеніе, окрещенное именемъ бунта противъ помѣщиковъ, пасторовъ, властей. Послѣднимъ пришлось даже отправлять русскіе карательные отряды для прегражденія эстамъ и латышамъ доступа въ Псковско-Печерскій и другіе православные монастыри и храмы! Прикосновенные къ движенію епископы Иринархъ (въ 1841 г.) и Филаретъ (въ 1848 г.), въ угоду нѣмцамъ, были удалены изъ Риги. Вмѣсто сочувствовавшаго эстамъ и латышамъ генералъ-губернатора Головина былъ назначенъ «гуманный внукъ воинственнаго дѣда», полуонѣмеченный князь Суворовъ, который и задержалъ окончательно столь сочувственное русскому народу и благопріятное для государства вѣроисповѣдное движеніе. Безуспѣшными оказались и всѣ усилія Николая I доставить русскому языку признаніе по крайней мѣрѣ въ коронныхъ учрежденіяхъ Прибалтійскаго края: направленный къ этой цѣли указъ отъ 3 января 1850 г. не былъ исполненъ!

Въ Финляндіи Николай I старался сдѣлать что-нибудь на пользу русской церкви и государства, но съ малымъ успѣхомъ. Въ 1827 г. онъ издалъ указъ о допущеніи въ Финляндіи къ занятію военныхъ и гражданскихъ должностей православныхъ лицъ, пріобрѣвшихъ права финляндскаго гражданства. Принимались кое-какія мѣры для объединенія финляндской монетной и банковой системы съ имперскою, сооружались православныя церкви, но ничего не сдѣлано для осуществленія предначертаній Александра I о государственномъ значеніи въ Финляндіи русскаго языка. Наоборотъ, въ такой роли оставленъ былъ шведскій языкъ — въ управленіи, судахъ, школахъ—съ явнымъ оттѣсненіемъ

на заднiй планъ финской рѣчи огромнаго большинства населенiя. Не обратилъ императоръ вниманiя и на представленную ему въ 1826 г. финляндскимъ патрiотомъ Ребиндеромъ записку о необходимости возсоединить непосредственно съ Россiею если не всю Выборгскую губернiю, то хоть три ея уѣзда и имѣнiя Сестрорѣцкаго оружейнаго завода. Ребиндеръ предвидѣлъ, что «Выборгская губернiя окажется тѣмъ утесомъ, о который разобьется независимость Финляндiи».

Все же въ полномъ титулѣ Всероссiйскаго Императора донынѣ сохраняется наименованiе его княземъ Карельскимъ, въ отдѣльности отъ наименованiя великимъ княземъ Финляндскимъ. И на большомъ Государственномъ гербѣ Россiи имѣется донынѣ гербъ Карельскiй, притомъ не въ соединенiи съ гербомъ Финляндiи, а въ составѣ щита соединенныхъ гербовъ областей Прибалтiйскихъ.

Не имѣли успѣха и усилiя Николая I составить для Финляндiи сводъ законовъ, чтобы устранить укоренившiйся произволъ въ пользованiи устарѣлыми и противорѣчивыми законами шведскаго происхожденiя. Въ Финляндiи не нашлось тогда своего Сперанскаго, который справился бы съ подобной задачей. Сеймовъ же тогда въ Финляндiи еще не было, какъ не было ихъ и при Александрѣ I, за исключенiемъ созваннаго имъ еще до присоединенiя шести шведскихъ губернiй по Фридрихсгамскому миру чрезвычайнаго съѣзда уполномоченныхъ отъ этихъ губернiй въ Борго.

Только въ 1863 г., вѣроятно, подъ давленiемъ тогдашнихъ тяжелыхъ событiй въ Польшѣ и Литвѣ, даровано было финляндцамъ императоромъ Александромъ II право собираться въ опредѣленные сроки на сеймъ. Въ манифестѣ императора отъ 18 сентября 1863 года впервые установлена была для финляндцевъ «неприкосновенность *принципа конституцiонной монархiи*, вошед-

шаго-де въ нравы финлядскаго народа и запечатлѣвшаго всѣ законы его и учрежденія». Тѣмъ же манифестомъ на сеймъ возложено было право «опредѣлять размѣръ и количество налоговъ... и предлагать проекты законовъ», а также «участвовать въ заключеніи займовъ»... Монархъ оставилъ, однако, за собою право почина во всѣхъ вопросахъ, касающихся измѣненія коренного закона.

Уже на сеймѣ 1863 г. оказалось, что нѣкоторые члены его склонны считать Финляндію отдѣльнымъ государствомъ, какимъ оно никогда не было и подъ Швеціей. Это вынудило императора при закрытіи сейма выразить свое сожалѣніе и напомнить ему о выгодахъ для Финляндіи «неразрывнаго соединенія съ Россіей» и о долгѣ членовъ сейма стремиться къ упроченію, а не къ ослабленію тѣсной связи Финляндіи съ Россіей.

Года три спустя императоръ Александръ II созвалъ въ Финляндіи новый сеймъ, который между прочимъ выработалъ дѣйствовавшій до недавна сеймовый уставъ 15 апрѣля 1869 г., по которому сеймъ состоялъ изъ четырехъ курій или сословныхъ отдѣленій: дворянскаго, духовнаго, городского и крестьянскаго. При этомъ было установлено: отъ 3000 наличныхъ въ Финляндіи дворянъ избирать 110—125 депутатовъ, отъ 8000 духовныхъ—35 депутатовъ, отъ 25.000 горожанъ—до 54 депутатовъ и отъ 2.000.000 крестьянъ—до 59 депутатовъ. Отдѣленія совѣщались и голосовали не совмѣстно а по-одиночкѣ. Для рѣшенія требовалось согласіе не менѣе трехъ отдѣленій, кромѣ основныхъ законовъ, для принятія которыхъ требовалось согласіе всѣхъ отдѣленій. Эта система, составлявшая сколокъ съ шведскаго сеймоваго устава 1809 г., была для 1869 г. пережиткомъ и въ самой Швеціи, гдѣ съ 1865 г. дѣйствуетъ всесословный сеймъ, безъ курій, съ двумя палатами. Въ Финляндіи недостатки стараго сословнаго сейма должны были тѣмъ сильнѣе чувствоваться, что двѣ

первыя куріи финляндскаго сейма, а отчасти и третья состояли главнымъ образомъ изъ шведовъ или шведомановъ, слѣдовательно могли совершенно подавить національное развитіе финновъ, которые, несмотря на свое огромное большинство въ странѣ, въ сеймѣ всегда оказывались въ меньшинствѣ. Что же касается отношенія финляндскаго сейма къ монарху, то они лишь въ общихъ чертахъ опредѣлены были какъ въ названномъ уставѣ, такъ и въ выработанномъ тѣмъ же сеймомъ 1869 г. проектѣ основныхъ законовъ Финляндіи, составленномъ на основаніи устарѣлыхъ шведскихъ конституцій 1772 и 1789 гг., хотя послѣднія отмѣнены были въ Шведскомъ государствѣ, слѣдовательно и въ Финляндіи, еще въ іюнѣ 1809 г., то-есть до окончательнаго присоединенія ея къ Россіи по Фридрихсгамскому договору (5 сентября 1809 г.). Проектъ этотъ не получилъ Высочайшаго утвержденія.

На сеймѣ 1872 г. происходили новыя столкновенія монарха съ чинами Финляндіи по вопросу о цензурѣ, при чемъ императоръ Александръ II вынужденъ былъ объявить, что «не имѣетъ намѣренія уступать ни одного изъ присвоенныхъ ему (монарху) по закону правъ».

Тому же императору пришлось, подъ давленіемъ обстоятельствъ, значительно усилить обособленность Финляндіи отъ Россіи въ монетномъ дѣлѣ (въ 1860—1862 гг.) и даже учредить (закономъ 27 декабря 1878 г.) особую финляндскую армію, хотя и безъ артиллеріи. О положеніи въ Финляндіи русскаго языка издано было императоромъ Александромъ II нѣсколько постановленій (въ 1863 г., 1872 г.); однако обязательность его для всѣхъ, поступающихъ на общественную службу, установленная еще Александромъ I въ 1812—1813 гг., но потомъ ослабленная указами 1824, 1831, 1856 гг., не была проведена и при Царѣ-Освободителѣ.

Вообще ему не удалось распутать въ Финляндіи того узла русско-финляндскихъ государственныхъ и

народныхъ отношеній, который возникъ при Александрѣ I. Наоборотъ, въ итогѣ преобразованій Александра II узелъ этотъ оказался еще болѣе затянутымъ, къ обоюдному вреду и Финляндіи, и Россіи.

Столь же безуспѣшною оказалась окраинная политика этого императора и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ ея носителями оказались такіе слабые и онѣмеченные генералъ-губернаторы, какъ князь Суворовъ, графъ Шуваловъ, генералъ Альбединскій, князь Багратіонъ, а въ учебномъ вѣдомствѣ—фонъ-Братке, графъ Кейзерлингъ, г. Сабуровъ, графъ Штакельбергъ.

Только архіепископъ Платонъ въ духовной области, а попечитель Жерве въ учебной разоблачали порой зловредныя козни остзейскихъ бароновъ, пасторовъ, профессоровъ. Но ни первому, ни второму не удалось справиться съ ихъ покровителями въ столицѣ, такъ что они вынуждены были вскорѣ, къ отчаянію и русскихъ, и православныхъ инородцевъ, перемѣститься въ мѣстности, болѣе удаленныя отъ облюбованнаго для себя тевтонами балтійскаго побережья.

Все же архіепископу Платону, а за нимъ Самарину (въ «Окраинахъ Россіи») и его единомышленникамъ въ Москвѣ, отчасти и въ Петербургѣ, удалось нѣсколько разоблачить передъ императоромъ своекорыстную и лукавую политику балтовъ. Опираясь на этихъ разоблаченіяхъ, Александръ II издалъ указъ о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство прибалтійскихъ коронныхъ учрежденій (1 іюня 1867 г.), представляющій, правда, не болѣе какъ повтореніе неисполненнаго указа по сему же предмету Николая I отъ 3 января 1850 г. Хотя упомянутый указъ 1867 г. былъ подтвержденъ по отношенію къ Юрьевскому университету Высочайшимъ повелѣніемъ 21 октября 1869 г., однако и послѣднее еще долго оставалось неисполненнымъ, по противодѣйствію ему нѣмецкой знати и бюрократіи—мѣстной и столичной. Въ виду этого противодѣйствія Александръ II

не принималъ уже потомъ никакихъ мѣръ для осуществленія ясно выраженной имъ въ упомянутыхъ указахъ воли.

И въ западныхъ губерніяхъ, а равно въ Польшѣ Александръ II въ первые годы своего царствованія держался политики крайняго послабленія полякамъ и католикамъ, за счетъ русскихъ и православныхъ, да и вообще—за счетъ кровныхъ интересовъ Россіи. Но польское возстаніе 1863 г., какъ нѣкогда подобное же возстаніе 1831 г., во-очію доказало благодушному императору, что даже возстановленіе въ Польшѣ такого же намѣстничества, какое существовало тамъ нѣкогда при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, не могло положить предѣлъ политическимъ вожделѣніямъ поляковъ, направленнымъ на всю Литву и Украйну и вообще на возстановленіе Польской республики въ старыхъ границахъ. Пришлось отказаться отъ довѣрчивыхъ опытовъ съ Велепольскимъ и Назимовымъ и избрать по отношенію къ полякамъ другой, болѣе рѣшительный и государственный образъ дѣйствій, проводниками коего были Муравьевъ въ Вильнѣ, а Милютинъ, Черкасскій, Самаринъ въ Варшавѣ. Намѣченная ими система заключалась въ подъемѣ коренныхъ слоевъ бѣлорусскаго, малорусскаго, литовскаго и польскаго населенія, съ освобожденіемъ ихъ отъ гнета шляхтичей, фанатизма ксендзовъ и жадности еврейскихъ торгашей. Для духовнаго же сближенія западныхъ окраинъ съ ядромъ имперіи признано было необходимымъ постепенное перевоспитаніе ихъ населеній въ духѣ началъ не западной, латино-нѣмецкой, а восточной, русско-славянской образованности. Къ сожалѣнію, это настроеніе не долго господствовало при дворѣ Александра II; вскорѣ очутился въ Вильнѣ вмѣсто Муравьева полякующій Потаповъ, а въ Варшавѣ стали хозяйничать Бергъ, Коцебу, Альбединскій, которые то населяли Польшу нѣмцами, то ухаживали за польской

аристократіей, къ великому ущербу русско-славянскаго дѣла и въ Бѣлоруссіи, и въ Польшѣ. Этимъ отчасти объясняется и крупная неудача русскихъ людей въ дѣлѣ возсоединенія холмско-подляшскихъ уніатовъ съ ихъ прародительскою православною церковью. То, что оказалось по силамъ Георгію Конисскому при Екатеринѣ II, а Іосифу Сѣмашкѣ при Николаѣ I, пришлось не по плечу епископу Попелю и его пособникамъ въ Холмѣ, Варшавѣ, Петербургѣ.

Къ царствованію Александра II относится и усиленіе на всемъ нашемъ западѣ еврейской стихіи, а въ Закавказьѣ армянской, за счетъ какъ русскихъ людей, такъ и прочихъ инородцевъ соотвѣтственныхъ окраинъ.

Важныя пріобрѣтенія суждено было Александру II сдѣлать въ Средней Азіи, въ племенномъ средоточіи тѣхъ ордъ, которыя столько вѣковъ опустошали наши края подъ именемъ гунновъ, аваровъ, хозаръ, болгаръ, печенѣговъ, половцевъ, татаръ, турокъ. Подвиги Черняева, Скобелева, Кауфмана еще долго будутъ тамъ жить въ преданіяхъ какъ русскихъ людей, такъ и киргизъ, узбековъ, туркменъ, сартовъ, таджиковъ, хивинцевъ, бухарцевъ. Послѣдній изъ названныхъ генераловъ обнаружилъ и крупные административные таланты въ устроеніи и просвѣщеніи Туркестана. Для областей степныхъ памятною останется дѣятельность генераловъ Колпаковскаго и Гродекова, а въ области Закаспійской — Комарова и Куропаткина. Нравственныя же условія для сближенія восточно-инородческихъ окраинъ съ ядромъ Россіи успѣшно развиваетъ русско-инородческая школа, основанія которой заложены были во дни Александра II и при его соучастіи казанскимъ просвѣтителемъ инородцевъ Ильминскимъ.

Но самымъ чистымъ воплощеніемъ истинно-русской окраинной политики, воскресителемъ въ этомъ отношеніи завѣтовъ Ярослава Мудраго, Александра Невскаго, Ивана III, былъ въ наши дни незабвенный царь-ми-

ротворецъ Александръ III. Онъ послѣдовательно и неизмѣнно проводилъ такую политику не только внутри государства, но и во внѣшнихъ его отношеніяхъ.

Въ дѣлахъ внутреннихъ она всего ярче выразилась въ губерніяхъ прибалтійскихъ, гдѣ, на основаніи данныхъ и выводовъ сенаторской ревизіи Манассеина, принятъ наконецъ былъ рядъ мѣръ для освобожденія эстовъ и латышей отъ пережитковъ Ганзы, ливонскаго ордена и нѣмецкаго феодализма, въ устройствѣ мѣстныхъ судовъ, школъ, администраціи, городского самоуправленія. Манассеинъ выяснилъ необходимость преобразованія въ этомъ краѣ и учрежденій церковно-административныхъ, а также сословныхъ и поземельныхъ. Но начертанная имъ программа направленныхъ къ этому мѣръ не была выполнена, что и является одною изъ важныхъ причинъ революціоннаго движенія латышей и эстовъ въ 1905 года.

Сверхъ освобожденія коренныхъ жителей этой окраины отъ пришлыхъ поработителей, императоръ Александръ III принялъ мѣры и для низведенія нѣмецкаго языка съ неподобающей ему роли языка государственнаго до роли одного изъ областныхъ языковъ. Въ качествѣ же общаго для всѣхъ мѣстныхъ народностей государственнаго языка выступилъ, наконецъ, здѣсь языкъ русскій, какъ связующее звено губерній прибалтійскихъ съ прочими и какъ проводникъ русской образованности въ эту онѣмеченную страну, которая со временъ Бирона не переставала снабжать имперію все новыми и новыми легіонами варяговъ.

Тѣми же началами руководился Александръ III и въ своей финляндской политикѣ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ онъ издалъ 23 декабря 1883 г. указъ объ оффиціальномъ значеніи въ Финляндіи финскаго языка — правда, наряду со шведскимъ, который пока оставленъ вторымъ земскимъ языкомъ, хотя на немъ говоритъ едва 15% населенія этой области; открыто

было и нѣсколько новыхъ учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на финскомъ языкѣ; принимались мѣры для подготовки изъ православныхъ финновъ священниковъ для мѣстныхъ православныхъ приходовъ; нѣсколько улучшено матеріальное положеніе православнаго духовенства, особенно въ городахъ, и положены основанія церковно-общественной самостоятельности православныхъ приходовъ (закономъ 5 марта 1883 г.); возстановленъ (въ 1888 г.) упраздненный съ 1764 г. Печенгскій монастырь, имѣвшій нѣкогда такое же значеніе въ дѣлѣ просвѣщенія финляндскихъ лопарей, какъ Валаамскій и Соловецкій—при утвержденіи православія у карелъ; открыта въ Выборгѣ (въ 1892 г.) особая архіерейская каѳедра для православныхъ въ Финляндіи; учреждено нѣсколько лицеевъ съ обширнымъ курсомъ русскаго языка.

Сверхъ того Александръ III объединилъ Финляндію съ прочими частями имперіи въ почтовомъ отношеніи, отчасти и въ монетномъ и намѣтилъ пути для ихъ объединенія въ отношеніи таможенномъ.

Попытка же императора установить сводъ дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ по государственному праву не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ выработанный въ 1885 — 1887 годахъ особой комиссіей сводъ такихъ узаконеній оказался построеннымъ на притязаніи считать Финляндію особымъ государствомъ, почему и не могъ быть утвержденъ монархомъ.

Тѣмъ же духомъ проникнуты были и всѣ мѣропріятія Александра III по дѣламъ западно-русскимъ, польскимъ, еврейскимъ, кавказскимъ, татарскимъ.

Даже во внѣшней политикѣ при этомъ императорѣ послѣдовалъ знаменательный поворотъ: освобожденіе Россіи отъ путъ прусской политики, навязанныхъ ей императоромъ Петромъ III и, благодаря ошибкамъ Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II, приведшихъ къ преобразованію слабой нѣкогда Пруссіи

въ столь могущественную нынѣ Германскую имперію. Болѣе естественный для насъ союзъ съ Франціей и является со времен Александра III главною осью нашей международной политики.

Русско-народная окраинная политика Александра III была продолжаема и при нынѣ царствующемъ императорѣ Николаѣ II, особенно въ Финляндіи, гдѣ такъ много важныхъ мѣропріятій приведено было въ 6-тилѣтнее генералъ-губернаторство Н. И. Бобрикова, каковы, напримѣръ: освобожденіе финскаго языка и народности отъ вѣкового шведскаго гнета; признаніе за русскими людьми въ Финляндіи такихъ же правъ, какими пользуются финляндцы въ прочихъ областяхъ имперіи; усиленіе значенія русскаго языка, за счетъ шведскаго, въ высшихъ учрежденіяхъ края и въ школахъ и, наконецъ, укрѣпленіе государственныхъ и духовныхъ связей этой окраины съ ея метрополіей. Для достиженія послѣдняго признано было необходимымъ единство русско-финляндскаго законодательства по дѣламъ общегосударственнымъ, единство арміи, монетной системы, таможенной линіи, наконецъ, общегосударственнаго патріотизма.

Къ сожалѣнію, не всѣ эти предположенія осуществились: одни не были еще узаконены должнымъ образомъ, другіе же преданы забвенію по убіеніи генерала Бобрикова и назначеніи на его мѣсто князя Оболенскаго, а позже г. Герарда. Въ Гельсингфорсѣ вновь заговорили объ особомъ Финляндскомъ государствѣ, состоящемъ не «въ державномъ обладаніи» Россіи, какъ сказано въ Фридрихсгамскомъ мирномъ договорѣ со Швеціей, а въ династической съ ней уніи, въ родѣ той, какая до-недавна существовала между Швеціей и Норвегіей. Кажется, правы тѣ пророки, которые предсказываютъ въ близкомъ будущемъ необходимость новаго завоеванія Финляндіи Россіей...

Еще раньше, чѣмъ въ Финляндіи, пошатнулась наша русско-народная окраинная политика въ областяхъ прибалтійскихъ и Польшѣ. Но все же и тамъ никто не могъ бы предвидѣть два-три года назадъ тѣхъ послабленій нѣмцамъ и полякамъ, какія были допущены въ послѣднее время, особенно въ школьной области.

Не отличалась особенной послѣдовательностью наша новѣйшая окраинная политика и на Кавказѣ. При одномъ начальствѣ тамъ всячески покровительствовали армянамъ, въ ущербъ русскихъ, а также грузинъ, татаръ, горцевъ; при другомъ, наоборотъ, старались прибрать къ рукамъ армянскія духовныя имущества и школы, ссылаясь на опасныя стремленія армянскихъ революціонеровъ. Подобнымъ образомъ и въ Грузіи то расширяли, то суживали права мѣстныхъ языковъ въ школѣ и церкви. На почвѣ подобныхъ колебаній и выростали тамъ мечты то о Велико-Армянскомъ царствѣ, то о Грузинской автокефаліи, то о независимости всего Кавказа.

И въ средѣ татаръ Крыма, Кавказа, Поволжья можно замѣтить подобныя движенія, вызванныя подобными же причинами. То же должно сказать о мусульманахъ Туркестана и степей.

Наконецъ, и наши недавнія войны съ Китаемъ и Японіей были вызваны въ числѣ прочихъ ошибокъ крупными недочетами нашей окраинной политики на Амурѣ и въ побережьяхъ Тихаго океана, отразившимися затѣмъ на положеніи Россіи и въ Манджуріи, Квантунѣ, Кореѣ.

VI.

Не слѣдуетъ, однако, думать, будто всѣ ошибки, противорѣчія, колебанія нашей окраинной политики въ по-петровское время ложатся на отвѣтственность однихъ только государей и государынь, занимавшихъ въ

эти два вѣка русскій тронъ, или на нашихъ государственныхъ людей. Наоборотъ, можно утверждать, что и все наше образованное общество, оторванное отъ народа отчасти крѣпостнымъ правомъ, отчасти же пересаженною съ Запада школою, относилось съ подобнымъ же подобострастіемъ къ инородцамъ нашихъ западныхъ окраинъ; на окраинахъ же южныхъ и восточныхъ оно не умѣло развить нравственнаго воздѣйствія на инородцевъ, ограничиваясь въ этомъ отношеніи мѣрами военными или бюрократическими.

Въ смѣнѣ шести поколѣній этого періода нашей исторіи наши образованные круги ученически преклонялись то передъ поляками, то передъ французами, англичанами, наипаче же нѣмцами, довольно пренебрежительно относясь къ своему собственному народу, его быту и были, племеннымъ особенностямъ, духовнымъ стремленіямъ и міровому призванію.

Такимъ образомъ, наша противонародная и противогосударственная политика на окраинахъ все это время, съ мимолетными лишь проблесками русскаго самосознанія при Елисаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II, Николаѣ I и особенно Александрѣ III, была слѣдствіемъ и спутникомъ подражательнаго направленія всей нашей образованности въ этотъ петербургскій періодъ русской исторіи.

Всего же прискорбнѣе то, что этотъ періодъ далеко еще не закончился, а, наоборотъ, — достигъ высшей своей точки въ переживаемыхъ нынѣ русскимъ государствомъ, обществомъ и народомъ событіяхъ, такъ ярко отмѣченныхъ печатью чужебѣсія и полнаго разрыва значительныхъ слоевъ общества съ коренными началами русской жизни и лучшими завѣтами русской исторіи.

VII.

Однимъ изъ яркихъ проявленій нашего чужебѣсія является выдвинутая у насъ въ послѣднее время программа рѣшенія окраинныхъ вопросовъ на началахъ самоопредѣленія народностей, съ дальнѣйшимъ его развитіемъ въ автономію окраинъ и федерацію областей.

Впервые встрѣчаемся мы съ понятіемъ самоопредѣленія народностей въ ходѣ нашего «освободительнаго движенія» на парижскомъ съѣздѣ финляндскихъ, польскихъ, еврейскихъ, армянскихъ, грузинскихъ, латышскихъ и русскихъ сепаратистовъ, автономистовъ, федералистовъ, соціалистовъ и революціонеровъ, происходившемъ 30 сентября 1904 г. Въ 3 статьѣ рѣшенія этого съѣзда установлено «право національнаго самоопредѣленія».

Нѣсколько позже это положеніе было включено въ постановленіе петербургскаго съѣзда 170·профессоровъ, происходившаго 25—28 марта 1905 г. Въ доказательство этого положенія, съѣздъ ссылался на вредъ обрусительной политики нашего правительства по отношенію къ нерусскимъ народностямъ и на несогласіе ея съ началами равноправности всѣхъ людей, безъ различія языковъ и вѣроисповѣданій.

То же, приблизительно, постановлено и на всероссійскомъ съѣздѣ инженеровъ, происходившемъ въ Петербургѣ 22 апрѣля 1905 г., въ частности по отношенію къ Польшѣ и Литвѣ.

Тогда же опубликована была въ газетахъ политическая программа одного изъ вождей нашего еврейства, одесскаго адвоката, нынѣ члена Г. Думы, Пергамента, гдѣ онъ настаивалъ на «полной равноправности всѣхъ національностей, съ правомъ полнѣйшаго національно-культурнаго самоопредѣленія».

Какъ ни заманчивой представлялась на первый взглядъ теорія самоопредѣленія народностей, но она

не могла не вызвать и существенныхъ недоумѣній. Спорнымъ могло, напримѣръ, представляться: идетъ ли здѣсь дѣло о всѣхъ народностяхъ — большихъ и малыхъ, государственныхъ и подчиненныхъ, культурныхъ и первобытныхъ, объединенныхъ и раздробленныхъ, — или только о болѣе крупныхъ представителяхъ существующихъ въ Россіи племенъ.

Равнымъ образомъ и рамки самоопредѣленія могли быть то ўже, не выходя за предѣлы жизни семейной и общественной, то шире — распространяясь и на область государственную, вплоть до провозглашенія данной территоріи независимымъ государствомъ, или присоединенія ея къ одному изъ сосѣднихъ государствъ.

Для устраненія этихъ неясностей въ нѣкоторыхъ программахъ понятіе самоопредѣленія ближе ограничивается терминомъ «культурное» или «національно-культурное». Но слово культура нерѣдко выходитъ за предѣлы отношеній научно-художественныхъ, распространяясь также на жизнь церковную и государственную.

Не приближаетъ къ цѣли и добавленіе къ понятію самоопредѣленія народностей эпитета «національно-самобытныхъ», такъ какъ и послѣдній не представляется особенно устойчивымъ ни въ этнографіи, ни въ исторіи. Такъ, напримѣръ, малорусы для однихъ представляются вѣтвью единаго русскаго народа, а для другихъ — совершенно отдѣльнымъ, «національно-самобытнымъ» народомъ. Кромѣ того, возможны случаи, что какой-нибудь народъ или народецъ, не имѣвшій самобытности въ прошломъ, стремится къ ней въ будущемъ. Можетъ ли и онъ ссылаться въ этомъ стремленіи на права народнаго самоопредѣленія?

Но главнымъ затрудненіемъ при осуществленіи этого самоопредѣленія служитъ то, что многіе изъ нашихъ инородцевъ не имѣютъ особой территоріи, а разсѣяны по всей имперіи, какъ, напримѣръ, нѣмцы, евреи, поляки, армяне, татары, цыгане и мн. др. Къ какой же

области можетъ быть пріурочено ихъ самоопредѣленіе? Если даже остановиться при этомъ на территоріи численнаго преобладанія данной народности, то и тогда ся самоопредѣленіе легко можетъ столкнуться со столь же законными по теоріи стремленіями другихъ мѣстныхъ народностей, какъ это мы видѣли еще недавно въ Лифляндіи, Польшѣ, Закавказьѣ и многихъ другихъ областяхъ.

Наконецъ, теорія народностей противорѣчитъ другой, еще болѣе распространенной между нашими «освободителями» теоріи — космополитизма и всемірнаго пролетаріата, который не можетъ вращаться въ узкихъ и отжившихъ, по ихъ ученію, рамкахъ народности.

Вотъ почему указанная теорія стала впослѣдствіи все чаще замѣняться въ ходѣ нашего «освободительнаго движенія» другою, болѣе географическою, чѣмъ этнографическою программою — автономіи окраинъ и вообще особыхъ областей.

Съ достаточною ясностью, хотя и нѣсколько одностороне, былъ установленъ принципъ автономіи окраинъ на петербургскомъ съѣздѣ 183 русскихъ, польскихъ, литовскихъ, армянскихъ, грузинскихъ и татарскихъ адвокатовъ, происходившемъ 28--30 марта 1905 г. На этомъ съѣздѣ одобрена была «законодательно-административная автономія Царства Польскаго», а въ болѣе общихъ выраженіяхъ—и отдѣльность Литвы и Украйны.

Вслѣдъ затѣмъ и московскій съѣздъ 100 «общественныхъ дѣятелей» — русскихъ, польскихъ, литовскихъ (между ними, конечно, было не мало и евреевъ)— въ началѣ апрѣля 1905 г. призналъ необходимымъ автомоное устройство Царства Польскаго, опирающееся на особомъ сеймѣ, избранномъ по четырехчленной формулѣ, безъ различія вѣры и народностей. Тотъ же московскій съѣздъ установилъ для поляковъ законодательное обезпеченіе свободнаго національно-куль-

турнаго развитія въ Литвѣ и Украйнѣ. Въ интересахъ же государственнаго единства полякамъ предоставлено было участвовать и въ русскомъ представительствѣ.

Равнымъ образомъ и московскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, происходившій въ сентябрѣ 1905 г., призналъ по требованію поляковъ автономію Царства Польскаго, съ особымъ сеймомъ, бюджетомъ, администраціею, судами, школами, гдѣ долженъ безусловно господствовать польскій языкъ. Государственная же связь Польши съ Россіей, по постановленіямъ этого съѣзда, могла бы выражаться въ общности верховной власти, внѣшнихъ сношеній, арміи и флота, таможенной линіи, желѣзнодорожныхъ тарифовъ и почтово-телеграфнаго дѣла. Сверхъ того, съѣздъ предоставлялъ гражданамъ Царства право отправлять въ Государственную Думу нѣкоторое число своихъ делегатовъ, избираемыхъ либо сеймомъ, либо населеніемъ.

Можно было, однако, предвидѣть, что программа окраинныхъ автономій не остановится на Царствѣ Польскомъ, ибо въ противномъ случаѣ у насъ оказался бы государственный дуализмъ, однимъ членомъ котораго явилась бы маленькая Польша, а другимъ — всѣ прочія области огромной имперіи, за изъятіемъ развѣ Финляндіи. Для всѣхъ было ясно, что подобный дуализмъ не могъ бы установить прочнаго политическаго равновѣсія между двумя столь неравными половинами. Выходомъ изъ этихъ затрудненій могло бы быть либо возстановленіе Польши въ старыхъ историческихъ границахъ, когда она была великою державою, либо расчлененіе Россіи на цѣлую дюжину подобныхъ Польшѣ автономныхъ областей, связь между которыми могла бы быть установлена на основахъ федераціи.

Такъ какъ возстановленіе Польши въ старыхъ границахъ, примѣрно до линіи Западной Двины и Днѣпра, представлялось вопросомъ будущаго, быть можетъ и очень отдаленнаго, то въ средѣ нашихъ освободите-

лей подверглась болѣе подробному обсужденію программа федеративнаго переустройства имперіи.

Чуть ли не первое указаніе на желательность такого переустройства находимъ мы въ вышеупомянутой политической программѣ г. Пергамента, гдѣ введеніе въ Россіи двухъ-палатной системы обусловлено проведеніемъ въ ней федеративнаго строя, основаннаго на національно-областныхъ единицахъ, которыя, впрочемъ, тамъ не перечислены.

Дальнѣйшая разработка федеративной программы произведена была «союзомъ автономистовъ-федералистовъ», который на петербургскомъ съѣздѣ 19—21 ноября 1905 г. высказался за «организацію въ Россіи народовластія, на началахъ федеративнаго строя». Отдѣльными членами этой федераціи должны быть, по идеямъ съѣзда, не только наши инородцы, а именно: поляки, литовцы, племена финскія, тюркскія, монгольскія, кавказскія, но и западныя вѣтви русскаго племени, именно бѣлорусы и малорусы, представители которыхъ также участвовали на съѣздѣ.

Какими соображеніями руководился въ данномъ случаѣ съѣздъ нашихъ автономистовъ-федералистовъ, мы узнаемъ изъ заявленія одного изъ участниковъ этого съѣзда, г. Врублевскаго, напечатаннаго въ № 5 журнала «Tygodnik Illustrowany»: «Автономія одной Польши и вообще одной части имперіи возможна лишь тогда, когда все государство будетъ автономно-конституціоннымъ. Царство Польское, какъ привѣска къ деспотической Россіи, было заранѣе обречено на гибель. Такъ и теперь нельзя представить себѣ автономной Польши при централизованной Россіи»...

Немалую поддержку оказала нашимъ федералистамъ, въ вопросѣ объ автономіи Украйны, и наша Академія наукъ, которая весною 1905 г. представила въ Комитетъ министровъ записку о двухъ русскихъ языкахъ— великорусскомъ и малорусскомъ. Языкъ Ломоносова,

Пушкина, Гоголя, который донынѣ всѣми признавался общерусскимъ, теперь низводится Академіею къ роли языка великорусскаго, слѣдовательно какъ бы чуждаго Украйнѣ и Бѣлоруссіи. Неудивительно, что многіе русскіе писатели, даже профессора, стали избѣгать теперь упоминанія о русскомъ языкѣ или народѣ, замѣняя этотъ родовой терминъ видовыми: великорусъ, бѣлорусъ, малорусъ.

Хотя съ выдѣленіемъ изъ состава русскаго населенія 42 милліоновъ инородцевъ (по переписи 1897 г.) и съ перечисленіемъ къ послѣднимъ еще 20 милліоновъ бѣлорусскаго и малорусскаго населенія, великорусы оказываются уже въ меньшинствѣ населенія имперіи, однако наши автономисты-федералисты все еще опасаются перевѣса послѣднихъ, почему возникла теорія сибирской автономіи, по которой за Ураломъ должна образоваться Новая Россія, находящаяся приблизительно въ такихъ отношеніяхъ къ Европейской, какъ Американскіе Штаты къ Англіи.

Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что и федерація автономныхъ областей, разграниченныхъ по указаніямъ этнографіи и исторіи, не вполнѣ удовлетворяла еще нашихъ освободителей, особенно соціалистовъ, не признающихъ, какъ извѣстно, ни народности, ни преданій. Потому и возникъ въ концѣ этого оборота планъ превращенія Россіи въ Соединенные Штаты Восточной Европы и Сѣверной Азіи, устроенные по образцу Американскихъ, то-есть въ видѣ федеральной республики. Матеріаломъ для этой федераціи и должны были послужить возникшія было у насъ осенью 1905 г. во множествѣ республики — латышскія, литовскія, эстонскія, черноморскія, закавказскія, даже сибирскія. Особенно сочувствовали этому плану евреи, которые усматривали здѣсь возможность основать по-надъ головами всѣхъ этихъ дробныхъ гойскихъ автономій сверхъ-автономію избраннаго народа.

Эта сверхъ-автономія, конечно, скорѣе приблизила бы евреевъ къ осуществленію идеаловъ талмуда, чѣмъ захватъ Палестины, Аргентины, Уганды или хотя бы всѣхъ нашихъ западныхъ областей до черты еврейской осѣдлости.

Но и тутъ возникалъ еще вопросъ: какъ совмѣстить предположенную федерацію автономныхъ областей, гдѣ мѣстные сеймы все еще вступаютъ въ извѣстныя отношенія къ общеимперской Думѣ или, пожалуй, конгрессу представителей отъ отдѣльныхъ штатовъ,—какъ совмѣстить подобный строй съ явными стремленіями Финляндіи къ полной государственной независимости, на началахъ династической уніи съ Россіею?

Въ виду важности роли, сыгранной въ нашемъ «освободительномъ движеніи» финляндскими революціонерами, которые были главными посредниками между японскими и западно-европейскими дѣятелями нашей смуты съ одной стороны, а ихъ русскими наемниками и служителями съ другой, представлялось невозможнымъ привлечь Финляндію къ реальной уніи съ федераціею или союзомъ штатовъ, приневоливъ, напримѣръ, ее къ посылкѣ депутатовъ въ Государственную Думу. И вотъ, въ угоду Финляндіи, постепенно возникаетъ у насъ еще одна политическая химера: превращеніе Россіи изъ союза областей въ союзъ государствъ, или, какъ нѣмцы выражаются, изъ Bundesstaat'а въ Staatenbund. Образцомъ могли бы послужить при этомъ прежній нѣмецкій бундъ, недавняя Скандинавія, а въ вѣка болѣе отдаленные, пожалуй, и союзъ нашихъ удѣльно-вѣчевыхъ княжествъ и общинъ въ до-татарскій періодъ русской исторіи, съ тою, однако, разницею, что тогда у насъ ясно сознавалось единство Русской земли (какъ видно изъ Нестора, Даніила Паломника, Слова о полку Игоревѣ), а теперь это сознаніе затмилось.

VIII.

Неудачный донынѣ -за изъятіемъ Финляндіи—исходъ первой попытки федералистовъ преобразовать Россію по своимъ теоріямъ не долженъ насъ убаюкивать въ будущемъ. Можно предвидѣть, что теоріи эти прочно загнѣздятся и въ Государственной Думѣ. Тревожнымъ предостереженіемъ въ этомъ отношеніи является политическая программа нашей конституціонно-демократической или кадетской партіи, которая была выработана и опубликована зимою 1905 года, передъ выборами въ первую Думу. Въ одномъ изъ воззваній этой партіи, изданныхъ петербургскимъ ея комитетомъ въ мартѣ 1906 года, наши столичные кадеты высказались не только за «широкое развитіе самоуправленія», но и «въ пользу осуществленія автономнаго устройства въ Царствѣ Польскомъ, а впослѣдствіи, въ мѣру назрѣвшей потребности, и въ другихъ мѣстностяхъ, живущихъ самобытною національною жизнью». Можно предвидѣть, что въ число такихъ областей постепенно войдутъ край Прибалтійскій, Литва, Бѣлоруссія, Украйна, Крымъ, Грузія, Арменія, Татарія, Туркестанъ, быть можетъ и Сибирь, такъ что, въ концѣ концовъ, лишенными «автономнаго устройства» окажутся одни великорусы, которые, какъ извѣстно изъ земскихъ съѣздовъ и московскихъ мятежей, «самобытною національною жизнью» нынѣ вовсе не живутъ. Они считаютъ своимъ призваніемъ подлаживаться ко всѣмъ инородцамъ и щедро раздавать имъ область за областью изъ своего вѣкового достоянія, довольствуясь взамѣнъ подачками изъ кармана этихъ инородцевъ на расходы «освободительнаго движенія».

Въ какомъ широкомъ объемѣ понимаютъ наши кадеты автономію, которую они отъ имени Россіи готовы

немедленно предоставить Польшѣ, а потомъ, «въ мѣру назрѣвшей потребности», то-есть по первому востребованію, и всякой другой инородческой области, видно изъ слѣдующихъ строкъ упомянутаго воззванія ихъ:

«Осуществленіе началъ автономіи состоитъ въ предоставленіи національно-обособленнымъ мѣстностямъ права свободнаго законодательства по вопросамъ, имѣющимъ мѣстное, а не общегосударственное значеніе, по вопросамъ національной и культурной жизни, по вопросамъ мѣстнаго благоустройства и благосостоянія мѣстности».

Переводя это положеніе на языкъ нашего нынѣшняго законодательства, мы найдемъ, что въ кругъ мѣстныхъ автономій по этой программѣ вошли бы почти все законодательство и управленіе по министерствамъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, торговли, путей сообщенія и землеустройства.

Такъ приблизительно рисуется картина кадетской автономіи и въ брошюрѣ проф. Бодуэна-де-Куртенэ: «Autonomija Polski». Krakow 1907 г. стр. 25. Только онъ указываетъ вдобавокъ на необходимость обезпечить представителямъ Царства Польскаго участіе и въ общегосударственныхъ министерствахъ — военномъ, морскомъ, общихъ путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ и иностранныхъ дѣлъ. Что касается участія польскихъ делегатовъ въ Государственной Думѣ, то, по мнѣнію профессора Бодуэна-де-Куртенэ, они могли бы довольствоваться въ ней совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, которые касаются не Польши, а прочихъ областей государства [1]).

Что же осталось бы тогда дѣлать нашей Государственной Думѣ и общеимперскимъ министрамъ? Гг. кадеты отводятъ на ихъ долю «вопросы общегосударственнаго значенія, касающіеся государственной рос-

---

[1]) Ср. «Окраины Россіи». 1906 г. № 34.

ніи, международной политики, вооруженныхъ силъ, монетнаго дѣла, пошлинъ и акцизовъ, желѣзнодорожныхъ сообщеній, почтъ и телеграфовъ и т. п.».

Если не придавать особаго значенія выраженію «и т. п.», которое вѣдь не можетъ означать очень многаго при столь подробномъ исчисленіи въ воззваніи дѣлъ мѣстнаго управленія съ одной стороны, а общаго съ другой, то позволительно думать, что на долю послѣдняго остались бы только дѣла по министерствамъ двора, иностранныхъ дѣлъ, военнаго, морского, общихъ финансовъ и общихъ путей сообщенія. Получился бы, слѣдовательно, строй, очень напоминающій нынѣшнюю Австро-Венгрію, съ тѣмъ лишь различіемъ, что тамъ только Будапештскій и Вѣнскій парламенты имѣютъ столь же широкія права, какія у насъ присвоены были бы, по кадетской программѣ, всѣмъ мѣстнымъ сеймамъ и правительствамъ, въ числѣ до двухъ дюжинъ. Кругъ же вѣдѣнія нашей Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ общемъ совпалъ бы съ кругомъ вѣдѣнія Австро-Венгерскихъ делегацій. Подобно злосчастному острову Сахалину, превратившемуся нынѣ въ полуостровъ, не стала ли бы тогда и наша Дума изъ государственной полугосударственною? Или она стала бы опекать, при помощи инородческихъ делегатовъ, и мѣстныя дѣла великорусовъ, какъ лишенныхъ особаго сейма, за отсутствіемъ «національной самобытности»?

Нельзя не отмѣтить, что и въ опубликованныхъ зимою 1905 г. избирательныхъ воззваніяхъ партіи октябристовъ, на ряду съ признаніемъ Россіи единою и недѣлимою, допускается «исключеніе... для Финляндіи, потому что во время ея присоединенія къ Россіи ей было обѣщано сохранить ея сеймъ съ особыми законами и порядками».

Но какъ могъ императоръ Александръ I обѣщать финляндцамъ «сохраненіе» того, чего у нихъ никогда

не было, ибо подъ шведскимъ правленіемъ финляндскія сословія отправляли своихъ депутатовъ не въ Гельсингфорсъ, а въ Стокгольмъ? Да и почему этотъ императоръ, вопреки своему обѣщанію, по заключеніи Фридрихсгамскаго мира ни разу не собиралъ финляндскаго сейма, равно какъ и императоръ Николай I, которые управляли этою областью при посредствѣ сената, генералъ-губернаторовъ и статсъ-секретарей? Вѣдь съ такимъ же правомъ можно было бы утверждать, что Украйна должна быть преобразована въ гетманщину, въ силу «обѣщанія» царя Алексѣя Михайловича, а Грузія—въ особое царство, на основаніи «обѣщанія», даннаго нѣкогда Павломъ I царю Георгію! По такимъ же основаніямъ можно, пожалуй, признать незаконнымъ и освобожденіе крестьянъ при Александрѣ II, такъ какъ при этомъ нарушены были не то что «обѣщанія», а дарственные акты, данные нѣкогда нашему шляхетству Анною Іоанновною, Петромъ III, Екатериною II. Да и наша безсословная Государственная Дума не является ли нарушеніемъ правъ и вольностей, дарованныхъ въ разное время нашими монархами дворянству и другимъ привилегированнымъ сословіямъ?

Гораздо болѣе правильное и въ народномъ, и въ государственномъ, и даже въ чисто юридическомъ смыслѣ положеніе заняли по отношенію къ вопросу объ окраинахъ наши правыя партіи, а изъ партій центра – партія правового порядка, которая въ своей избирательной программѣ высказалась за «цѣлость и и нераздѣльность нашей государственной территоріи и единство для всей имперіи власти законодательной, исполнительной и судебной, дипломатіи и финансовъ, при единомъ государственномъ русскомъ языкѣ», хотя и эти послѣднія партіи допускаютъ расширеніе мѣстнаго самоуправленія, по возможности, на все государство.

IX.

Въ теченіе двухмѣсячныхъ засѣданій нашей первой Государственной Думы вопросъ объ окраинахъ Россіи и о преобразованіи ея на началахъ федераціи не былъ подвергнутъ систематическому обсужденію. Но въ преніяхъ по другимъ вопросамъ выступали со своими заявленіями находившіеся въ составѣ Думы автономисты и федералисты. Поляки предлагали включить вопросъ о дарованіи Польшѣ автономнаго устройства въ отвѣтный адресъ Думы на Царское слово, но не встрѣтили поддержки даже въ средѣ кадетовъ и трудовиковъ, на которыхъ они прежде разсчитывали. Равнымъ образомъ и въ преніяхъ по аграрному вопросу провалилось предложеніе польскихъ депутатовъ не включать Польшу въ планъ земельной реформы, входящей-де въ кругъ ея автономныхъ правъ.

И евреи не выступали еще въ той Думѣ съ требованіемъ національныхъ правъ, только слегка намѣтивъ послѣднія, какъ вопросъ будущаго, долженствующій выступить на сцену по уравненіи евреевъ съ прочими гражданами имперіи въ правахъ гражданскихъ и политическихъ. Это же уравненіе предположено было провести незамѣтно, подъ флагомъ свободы совѣсти и равноправія въ Россіи послѣдователей всѣхъ вѣроисповѣданій.

Но что въ будущемъ Дума перваго состава предполагала выступить съ программою преобразованія Россіи по планамъ автономистовъ-федералистовъ, видно изъ того, что въ средѣ членовъ той Думы постепенно сложился было «парламентскій союзъ автономистовъ», въ который входило до 200 депутатовъ. Союзъ этотъ распадался на слѣдующія группы: 1) Царства Польскаго, 2) группа Украинская, 3) группа Сѣверо-западнаго края (литовская и бѣлорусская), 4) группа башкирская,

6) группа татарская, 7) группа великорусская (центральная Россія и Новороссійскій край), 8) группа казачьихъ областей (области Войска Донского, Астраханскаго, Уральскаго и Оренбургскаго). Позже примкнули къ этому союзу представители Кавказа и Сибири.

Программа этого союза выражалась въ слѣдующихъ тезисахъ:

1. Парламентская фракція союза автономистовъ объединяется или на областныхъ, или на территоріально-національныхъ началахъ, для взаимной поддержки и защиты, а также и для осуществленія автономной идеи на демократическихъ началахъ.

2. Парламентская фракція союза автономистовъ стоитъ на началѣ нераздѣльности Россійскаго Государства, какъ единаго цѣлаго.

3. Парламентская фракція союза автономистовъ считаетъ необходимымъ возможно полную децентрализацію государственнаго управленія.

Децентрализація эта должна быть проведена на демократическихъ началахъ и на основѣ принципа широкой автономіи отдѣльныхъ областей, устанавливаемой основными законами Россійскаго Государства.

4. Географическія границы и правовые предѣлы автономіи каждой областной или территоріально-національной единицы должны опредѣляться согласно желанію ея населенія, поскольку они не противорѣчатъ основнымъ задачамъ союза автономистовъ.

Фракція союза автономистовъ всецѣло будетъ также поддерживать желанія областныхъ единицъ, не выходящія изъ предѣловъ принципа широкаго областного самоуправленія.

5. Основными законами Россійской Имперіи въ областяхъ со смѣшаннымъ народонаселеніемъ должны быть обезпечены права меньшинства, и не только гражданскія и культурныя, но и національныя, прежде всего въ смыслѣ употребленія родного языка въ школѣ,

въ судѣ, въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ.

6. Необходимо немедленно законодательнымъ порядкомъ обезпечить за всѣми гражданами право на культурное и національное самоопредѣленіе, съ уничтоженіемъ всѣхъ привилегій и ограниченій, обусловленныхъ принадлежностью къ той или другой національности, къ тому или другому вѣроисповѣданію.

Закрытіе первой Государственной Думы не задержало, конечно, дальнѣйшей дѣятельности этого союза, такъ какъ онъ составлялъ не болѣе, какъ парламентское отдѣленіе общеимперскаго союза автономистовъ, имѣющаго особую организацію. Нѣкоторые признаки указываютъ на возрожденіе «парламентскаго союза автономистовъ» и во второй Государственной Думѣ.

X.

Но слѣдуетъ надѣяться, что русское правительство и общество не увлечется идеями автономистовъ-федералистовъ и не вступитъ на скользкій путь преобразованія большого національнаго государства въ хаотическую смѣсь мелкихъ народностей и областей, лишенныхъ всякого органическаго единства. И природа нашей великой Сарматской равнины, и огромное преобладаніе въ государствѣ русскаго населенія, и вѣковыя преданія русской исторіи, и опасность международнаго положенія между объединяющимися тевтонами на Западѣ, а монголами на Востокѣ, и высокое міровое призваніе Россіи, какъ представительницы всего славянства и православія — все заставляетъ русскій народъ зорко охранять свое государственное единство, обезпеченное статьями 1 и 3 основн. законовъ (изд. 23 апр. 1906 г.), не соблазняясь уловками доктринерства, колокольнаго патріотизма и международной интриги.

Зачѣмъ Россіи добровольно вступать въ колею автономій австрійскаго или турецкаго типа, когда всѣмъ извѣстно, что эти автономіи являются тамъ признакомъ не развитія, а разложенія могущественныхъ нѣкогда имперій Габсбурговъ и Османидовъ? Ужели Россія должна увеличить собою число «больныхъ людей» Востока, чтобы затѣмъ, по слѣдамъ Турціи, Австріи, Китая, сдѣлаться предметомъ международной спекуляціи и безнаказанныхъ нападеній перваго встрѣчнаго хищника? Не лучше ли намъ держаться примѣровъ Германіи, Италіи, Франціи, Англіи, Американскихъ Штатовъ, даже Японіи, которыя дорожатъ своимъ національнымъ единствомъ и на немъ основали свою внутреннюю и внѣшнюю политику?

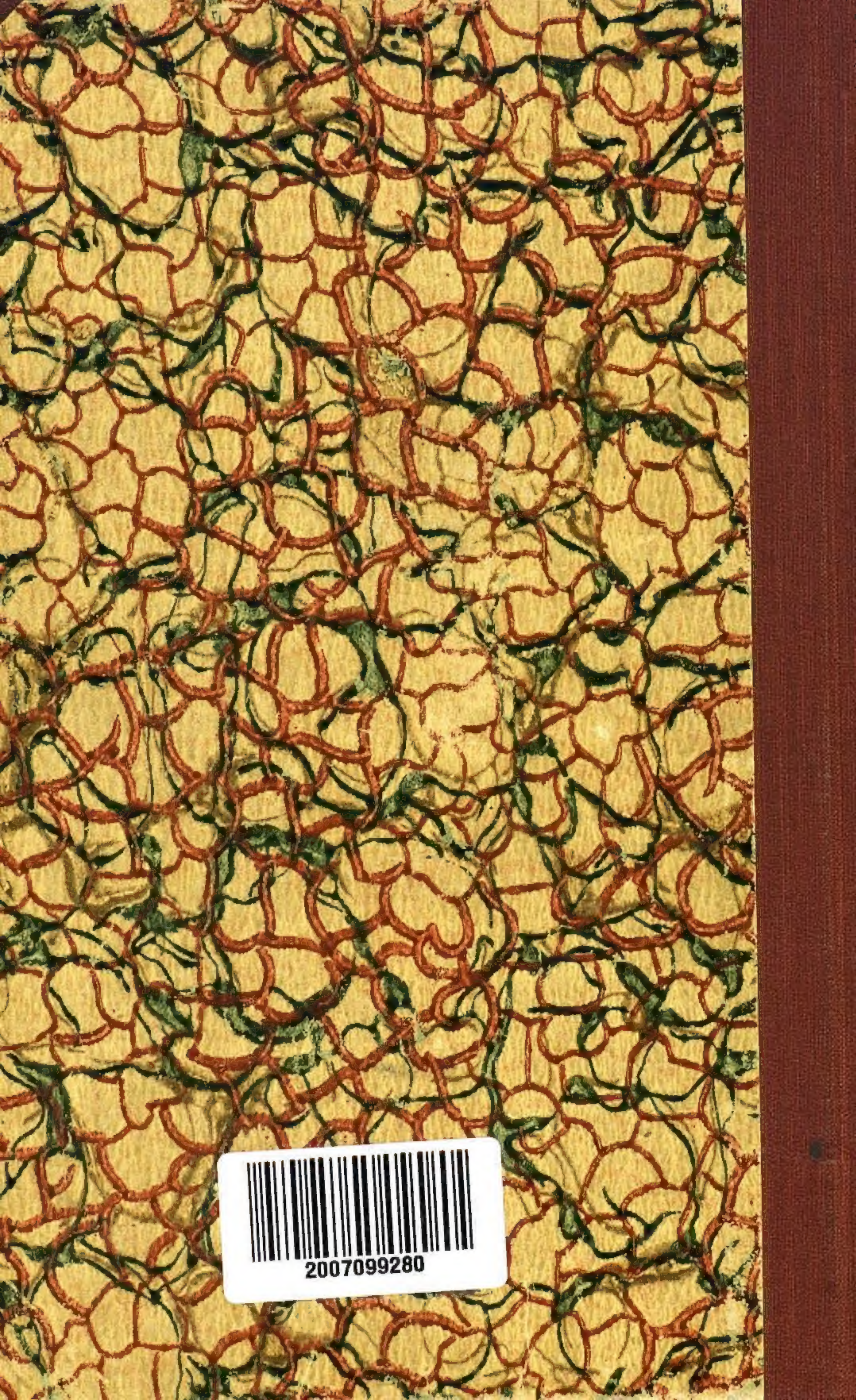
Было время, когда и Германія расплывалась въ маниловщинѣ космополитизма. Но разгромъ подъ Іеною пробудилъ ея народное самосознаніе, и на этой почвѣ выросла новая, міровая Германія. Если такія послѣдствія для Россіи будутъ имѣть неудачи подъ Мукденомъ и Цусимою, то столь тяжелый урокъ и для насъ не пропадетъ даромъ.

Конечно, подражая Германіи въ крѣпости народнаго сознанія и народной политики, Россія не должна и не можетъ относиться къ своимъ инородцамъ съ такою же жесткостью, какъ Германія къ своимъ въ Познани, Шлезвигѣ, Эльзасѣ. Но эта опасность и не можетъ угрожать Россіи, такъ какъ, развиваясь на почвѣ свободной Восточной церкви и при мягкости славянской природы, наше государство страдало скорѣе отъ слабости своей окраинной политики, чѣмъ отъ ея нажима въ смыслѣ обрусительномъ. Дѣятельность Ермолова, Милютина, Муравьева, Манассеина, Лавровскаго, Бобрикова вовсе не противорѣчитъ этому положенію, такъ какъ и они не подавляли мѣстныхъ инородцевъ, а, наоборотъ, старались освободить ихъ отъ гнета приш-

лыхъ хищниковъ и положить основаніе для духовнаго сближенія этихъ инородцевъ съ народомъ русскимъ.

Въ этомъ же направленіи развивалась дѣятельность просвѣтителя восточныхъ инородцевъ Ильминскаго, который, идя по слѣдамъ Стефана Пермскаго, Гурія Казанскаго, Иннокентія Якутскаго, Макарія Алтайскаго, выработалъ и пути для духовнаго сближенія этихъ инородцевъ съ русскими то въ церкви, при помощи православнаго богослуженія на инородческихъ языкахъ, то въ школѣ, при любовномъ сочетаніи въ ней языковъ материнскаго и отечественнаго, природнаго и государственнаго.

Не механическое обрусеніе инородцевъ, а органическое ихъ сродненіе съ русскою образованностью должно быть задачею какъ нашей окраинной школы, такъ и всей нашей окраинной политики. Для этого же не нужны ни окраинные сеймы, ни областные министерства, ни оторванныя отъ русской образованности школы, ни переустройство государства на основахъ федераціи. Достаточно будетъ возможной децентрализаціи управленія и развитія мѣстныхъ силъ Россіи, при томъ не въ хозяйственной лишь области, но и въ нравственной, въ зависимости отъ бытовыхъ особенностей и духовныхъ потребностей нашихъ инородческихъ населеній.

2007099280